

№ 17 [943] СЕНТЯБРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ПОСВЯЩЕНИЕ

В РАБОЦЕ

Э. ЧЕРЕПАХОВА

Фото М. МУРАЗОВА

Выбрать профессию в юности — это в значительной мере выбрать судьбу. Ошибается тот, кто думает, что первые шаги можно делать кое-как, в после — чего там! — дорога сама вынесет.

Выпускница Тамара Ижорина из деревни Конегуры, отвечая на анкету «Смена», помещенную в одиннадцатом номере, написала: «Буду поступать в Белгород в культпросветучилище, если же не сдам вступительные экзамены, то стану работать. Где — безразлично... Это не выбор, но передумать я не буду». «После школы буду поступать в вуз, — читаем мы в письме ижевлянки Ины Голуб. — Если провалюсь, иду работать. Куда — все равно, вероятнее всего, на близкой заводе».

Тех писем много. Из них видно, что завод работа камушек молодым людям, привыкшим к ритму, пожалуй, даже к инерции широким жизни, довольно то скучным и незавидным делом. Уделом неудачников, который большинство предпочитает считать временным. Так сказать, кусочек жизни, которую придется прожить «на черном», чтобы зато где-нибудь потом...

Но живут всегда только «на белом». Ничего не переживешь. Можно привести не одну историю интересно и ярко прожитой жизни, но лучше, наверное, взять более соизмеримые величины. Например, жизнь еще только начатую, очень похожую на жизнь Тамары и Ины, и чем-то отличную, иную, потому что парень, о котором пойдет речь, уже пережил ту суматскую мысль, планов, решений, лихорадочных поступков, которая обуревает нынешних владельцев аттестатов зрелости. Он нашел,

пожалуй, свою точку опоры, почва больше не колеблется под ним, а это не так мало. Помните, как Архимед просил дать ему «точку опоры»? Он брался тогда перевернуть Землю.

Мы расскажем о Мише Лохове, ленинградском рабочем с «Электросиль». Больше всего хочется, чтобы кто-то подумал: «А, подобран показательный мальчик — и на планетной! Миша — «показательный мальчик», это верно, но только в том смысле, что биография его — доказательство множественности таких судеб.

Миша пошел работать, потому что матери одной было темно. Миша Лохов как раз недалеко от «Электросиль», знал там кое с кем из молодых парней, особенно с футболками 33-го цеха, ну и решил попробовать все начать именно там. Миша выписал пропуски: походи по цеху, выбери себе, что больше понравится. Миша пошел. На вид Лохову большш восемнадцати — высокий, широк в плечах, — впрочем, сейчас много таких ребят: послевоенные мальчики.

Но их, послевоенных, отличает не только рост или стать. Смотрите, что сказал Миша Лохов о том, как и почему выбрал себя специальностью: «Стал ходить по цеху. Приглянулась шифровка: работа умственная. Его привлекло дело, которое требует хорошего знания математики, например, тригонометрии.

Работа, приходится держать под рукой «таблицы» с таблицами тригонометрических функций профессора Хренова и синусную линейку. Малограмотный тут завянет. До Миши начало доко-

Сегодня товарищи вручают Михаилу Лохову рабочий инструктор — это символ вступления в заводское сообщество.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

ВЛКСМ

17

[1943]

Год издания
сорок третий
Выходит два
раза в месяц

СЕНТЯБРЬ
1966

Георгий Филиппович Бурми-
стров, старейший инструмен-
тальщик, поздравляет Ло-
хова: «Нашего полку при-
было!»

дить, что современное про-
изводство сложно, что
оно на многих своих стади-
ях, кроме хватки, кроме ор-
ганизованности, требует
действительно грамотных
людей, что школьное обра-
зование тут не пропалает,
напротив, его иногда и не
хватает...

Однако Миша еще не
знал другого. Он не
знал, что встать к станку —
это еще не значит стать ра-
бочим. Даже если уже рас-
писываешься в зарплатной
ведомости. Даже если хо-
дишь в спецовке. Даже если
пропуск у тебя постоян-
ный.

А что же надо! Надо, что-
бы сообщество заводских,
вся эта громада людей, при-
знала тебя, приняла и по-
святила в рабочие.

«Посвятить в рабочих —
это не просто красивый сло-
весный оборот. На ленин-
градской «Электросиле» су-
ществует специальный, тор-
жественный и трогательный,
обряд посвящения в «рабо-
чие рыцарство». Тот, кто
проучился 3—4 месяца делу
не зря, не спуста рукава, не
отлынивал и не прогуливал,
а пытаясь постичь трудовые
смыслы и буквы, тот получает в
одни несомненно прекрас-
ный день папку в твердых
корочках, где лежал лист
плотной бумаги. На нем сло-
ва: «Наш дорогой товарищ!
Сегодня у тебя необычный
день. Ты вступаешь в ряды
рабочего класса...»

О том, что ученик скоро
станет действительным чле-
ном рабочего братства, ему
сообщает наставник. Этим
немного старомодным, но
точным словом называют
людей, которые обучают
новичков.

Фигура наставника очень
значительна на «Электроси-
ле». Его выбирают. Делает

Каждый рабочий день измеряется деталями, каждая деталь — микронами.

Свободное время Михаила делит между театром и стадионом. В театре он — просто зритель, на стадионе — действующее лицо. Лохов играет за юношескую сборную города.

это цетова общественность. Мише придали наставника— Николая Дмитриева. Он коренной ленинградец и коренной электрослюповец. Сейчас ему 38 лет, и 20 из них он работает на этом заводе. Значит, пришел в 18 лет, почти как Миша. Теперь у Николая сын такого же возраста, как Миша. И это тоже, кстати, учли, когда выбрали Дмитриева в наставники. Николай — человек спокойный, уравновешенный, терпеливый, любитель рыбной ловли; Миша — типичный спортсмен, всеазарт, темперамент, непоседливость. Такие люди обычно нравятся друг другу. А без взаимной симпатии,

между прочим, «наставлять» трудно. Вот Николаю учит Мишу, как надо шлифовать детали для штампов. — Закрепи деталь струбциной и угольником, не смотри, что она к месту магнитом притянута,— не устоит.

«А может, устоит?— думает ученик.— Ведь электромагнит все же прочно держит.»

Николай угадывает мысли ученика.

— Ну, гляди в стенку, чего видишь?

— Шербины какие-то, как от пуля...

— Вот! Это у таких соображающихся деталей с току в стенку летели. А если не

в стенку? Ты ведь не один работаешь. Кругом товарищи.

Дмитриев показывает, как предварительную шлифовку делать, толкует о классе шпатель, о том, как угол определить или как микрометром пользоваться, и тут же рассказывает, куда пойдет дальше эта деталь, какой ее технологической маршруту, что вообще в конце концов будет, когда все люди во всех цехах выполнят задания по нарядам и кончится сборка. А будет, например, гидрогенератор для Асуана — тропический гигант! Разве не интересна? Николай говорит, что вообще ничего удивительного: у «Электросилы» вся работа такая, сборная. Для Братска машины строили, для Красноярской ГЭС тоже. Для Ташкента строят вне очереди. Испытывают уже генератор для Бабрам-Алинской ГРЭС.

Да, «Электросила» делает гигантов: велика мощность ее электрических машин.

Николай учит работать без «сняжков». «Сняжки» — это снятые пометки о браках. Знак позора. У самого Николая личное клеймо — то есть никакого над ним контроля, кроме собственной совести. У него шестеро братьев погибло на фронте. Шестеро братьев Николай говорит, что тут удивляться нечего. «Электросилу» везут: на фронт 80 процентов своих людей отправляли. И каких людей! Был секретарь заводского комитета комсомола Леша Кузнецов чуть не первым ушел и погиб. Николай говорит: «Наша «Электросила» — Миша незаметно для себя однажды сказал «иша».

...И вот Мишу Лохова, новичка с «Электросилы», посвящают. Посвящение бывает иногда в цехе, среди своих, но чаще во Дворце культуры, в большом зале на тысячу мест. Приходят директор, представители парткома и завкома, и в первых рядах сидят ветераны труда, и тут же, в зале, наставники, рабочие и обязательно родители. Открывает торжество комсомольский секретарь.

И встает потом старый, известный заводу рабочий, у которого тут, на «Электросиле», вся жизнь прошла, тут его свемили дети, и может быть, сменил внуки. Он рассказывает новообращенным о том, как жил и чем жилая они, что передает им наследство.

Гаснет свет, и документальная лента подтверждает и делает объемным, зримым этот расказ.

А потом звучит со сцены «Иванов», или «Петров», или «Лохов». И каждый, им чувствуя ног, поднимается со скамьи, и старый мастер спрашивает и велит, чтобы сказал, как на духу, при всех, нравится ли выбранное дело, по душе ли, и прикиньтесь к груди нового

рабочего значок электросилова, и дарит ему в вечное пользование инструмент, на котором уже стоит гравированная надпись «М. Лохов». И еще получает рабочий карту об истории завода и цветы, и твердую папку, в которой лежит неутраченное: «Мечтай и действуй! Пусть каждый день твой будет наполнен...»

И в этот вечер после музыки, танцев — большого бала, который запомнится навсегда — мамы уносят палки с напутствием, держа их бережно, как держали в руках аттестаты зрелости своих детей.

А может, это-то и есть настоящий аттестат зрелости? Говорят, из новых обрядов не выходит ничего пушиого! А вот подите же... Этот прикился. Жизнь сложна, но как бы там ни было, посвященные работают лучше спелее, чем едят.

Наставник и после посвящения остается наставником. Он ненавязчивый участник всех перипетий жизни своего подопечного, влится до того, что в курсе всех футбольных переживаниях. У Миши Лохова их, кстати, особенно много, потому что он играет сейчас за сборную Ленинграда. Николай знает, как здорово Мишиной матери мимходом говорит, что во время ремонта квартиры мог бы помочь — обои клеить или что... Он знает, сколько зарабатывает Михаил и как тратит деньги.

В общем, Николай — наставник самый подходящий. По многим статьям. У него, можно сказать, даже домашний адрес «воспитывать»: живет он на улице Новаторов.

Есть на заводе в 8-м цехе парень немного постарше Лохова — Володя Целуев. Тот работает третий год и стал уже бригадиром, сменив своего наставника, своего старшего друга, и сам стал наставником новичков. Были оценены на заводе творческие способности, и серьезность, и зрелость молодого человека.

В нынешнем году в комсомольском цехе известно, сколько придет к ним школьников. Их ждут наставники, их ждет комитет комсомола. Собственно, именно в комитет комсомола, а не в отдел кадров придут новички прежде всего. Отсюда мчнутся свой маршрут.

Пришла пора работы. Пришла пора новой жизни.

Задумайтесь, сколько уже лет, сколько веков подряд работают люди. Оглянитесь: нас окружают бесчисленные замыслы, привнесения в исполнение и овеоществляемые в миллиардах предметов и вещей, заполинившие землю. Эти вещи — зеркала, в которых мы отражались, так сказать, изнутри. Давайте же помнить о долговечности этих зеркал. Давайте помнить, что жизнь живут только небогато.

Текст и стихи
Ильи ФОНЯКОВА

БОЛЬ ИДЕТ ВДЕТНАМ

едливо из Вьетнама? Ну давай рассказывай, только по-дробней...

— Как выглядит сейчас Ханой? И вообще что за город?

— А разрушенные города видел? Как, похоже на то, что было у нас во время войны? Ты ведь Ленинград, блокадник, так что, наверно, поминишь...

— С американцами встречался непосредственно?

— Как живут во Вьетнаме студенты? — И заодно о самых маленьких, о ребятишках...

— Работают ли театры? — И заодно о живописи, о художниках...

— И о литературе, о поэзии...

— В чем секрет упорства и стойкости вьетнамцев? Ведь как-никак сама Америка про-

тив них воюет, не второразрядная никак-нибудь страна...

— И самое главное: чем все это кончится? И скоро ли?

Нет конца вопросам. И как не понять: не простое любопытство говорит устами моих друзей и знакомых. Даже тогда, когда они интересуются, что идет в театрах или как одеты люди на улицах. Слишком небезразлична, слишком близка нам судьба этой далекой страны. А сострадание, сочувствие, солидарность не могут быть абстрактны, отвлечены.

Вьетнам...

Помню, еще школьниками мы останавливались у фотокатрины ТАСС на Невском в Ленинграде. Помню фотографии: стройная девушка в тропическом солдатском шлеме и гимнастерке пристально взглядывается вдаль. В руке наперевес винтовка. Без малого два десятилетия миновало с тех пор, но вот снова и снова в цехе

ковторкачки фабрики в Хайфоне, на краю рисового поля под Ханхоа, среди корпусов полуразбитой электростанции города Вьнь оживает передо мной та давнишняя фотография: девушка из отрядов гражданской самообороны снимает винтовку с деревянных стеллажей, они спешат на посты, другие под руководством парня-инструктора разбирают и чистят затворы. Сурово сдвинуты брови, тонкие пальцы первоначальным желтым ружейной смазкой.

Два десятилетия миновало...

Влюбленные, которые, обнявшись, сидят ныне теплыми вечерями на ступеньках здания исторического музея в Ханое, тогда и на снегу, небеса не было. Выросли ребята, стали взрослыми. Но за всю их жизнь мир лишь ненадолго приходил на их землю. Да и то лишь отпосылительный мир. Демократическая республика строила заводы и школы, издавала книги и пригнала туристов, но по-прежнему багровела на теле-экраны рубен семнадцатидесятилетиями, за

которой бурлили то громы, то приглушённый отзвуками Юг. Там оставались и остались хорошие братья по языку и культуре, по многовековой истории и недавней общей борьбе. А для многих семей и семьи родственники: отцы и матери, дочери и сыновья, братья и сестры. В традиционный праздник Лунного нового года — «цэт», — когда по обычаю семье должны собраться за одним столом, многие места пустовали. И сегодня пустуют по-прежнему. Да, небольшая судьба вышла на повои этой небольшой, узкой, как виноградная ветвь, страны, пролазшей по берегу тёплого моря! А ведь жить на этой земле удивительно красиво, добры и приветливы, бесконечно трудолюбивы, и поистине мирный народ. И дома, и сельская, и города свои он сделал такими же светлыми, такими же добрыми по весною добрую гостю.

В один из вечеров моей спутницей по дороге была Нгуен Туонг Чан — режиссёр театра современной драмы, выпускница московского института.

— Ну как тебе нравится наш город? — спросила она на прощание.

— Прекрасный город! — сказал я. — Такой зелёный, уютный, спокойный...

Спокойный? — махнула укоризна Чан. — Разве спокойной жизнью живём мы сегодня?

Ах, прости, Чан, я совсем не то хотел сказать! Я говорил о сложившемся лице города, которое не смогла обособить даже война... и сегодня тоже от своих слов ни отказываюсь.

И по-настоящему любил твой Ханой и хочу, чтобы друзья у меня на родине тоже узнали и полюбили его.

Ханой — это большой современный город, насчитывающий вместе с пригородами больше миллиона жителей, — совсем не похож на те маленькие столицы, которые, судя по фотографии, все ещё так старательно выглядят похожими на европейские и американские курьезные городки. Здесь ещё многоэтажные панельные здания из бетона и стекла, даже дома в четырёхэтажной отапливаемой застройке. Вдоль проспектов, небалансированных, пышно-зелёных проспектов Нового города стоят, причём не сплошными строем, а очень свободно, ажлажа в два-три этажа: государственные учреждения, институты,

явилось. А вот узкие живописные торговые улочки Старого Ханоя застроены домами. Там прямо на тротуаре или в маленьком лавочке можно купить плетёную шляпу и глиняную статуэтку, связку пряжи и пакетики лекарственных «чаев» из цветов лотоса. А если, не дай бог, уже недавно спочившая бабушка родственника, можно заказать его портрет по фотографии: уличный художник, старик в национальном стиле, халате с глубокими разрезами по бокам, изображает покойного в длинном платочке одиноки возле дерева столбика с хризантемами. А лицу придать выражение достоинства и умиротворения.

Ничего, кажется, не знает, какая улица в Ханое называется. Один называет улицу Юань, другое — улицу Гуэ, по которой время от времени проносятся голубые ханойские трамвайчики. Названия этой улицы тоже, должно быть, знакомо читателям советских газет: ведь она была «вионона» когда-то по имени города Гуэ, в прошлом королевской резиденции, а ныне одного из центров аннамитаических и антиимпериалистических движений на Юге. Что касается меня, то мне «главной улицей» всегда казалась набережная, описанная красивейшее озеро Вуангвенгский мост в середине города с его маленькими островами, на которых возмещались старинные пагоды.

Но сейчас не только вековые стены храмов отражаются в спокойной глади озера. Отражаются и ней и свежее, не успевающие порастать травой газонные скаты противосолнечных убежищ. Тут же неподалеку женщины, сидя на тротуарах, плетут из пальмовых волокон маскировочные сетки. Из витрин городских фотографий смотрят лица женщин и девушек в военной форме, при многочисленных орденах. Да что фотографии — в толпе на улице, в книжных магазинах, в залах многочисленных выставок, посвящённых сегодняшнему дню страны, то и девушки в форме парней и юные солдаты, привядшими веточками маскарон, пламя.

А неподалеку, за Красной рекой, лежит пригород Ханоя — Джалам, или Бизал. Там американские бомбы.

Мирный город Ханой становится Городом-Сол-

датом. Это вынуждено. Но полную бойцовскую выпуклость он несет с честью и достоинством. Один поэт сказал как-то: «Искусство — это война». Образ, в общем, довольно точен: не одна душа способна омануть, глазу в это страшное лицо. Но не оманена душа Вьетнама, не оманена душа столицы: стал Городом-Солдатом, Ханой остался Городом-Человеком. Я рад был сообщить друзьям-театралам, что в Старом и Новом городе продолжает работу добрый детский театр: в здании «рагасной», или «современной», драмы можно посмотреть пьесу о южноазиатском горе Нгуен Ван Чоэ, в «Золотом Колоколе» — спектакль традиционного жанра на исторический сюжет, с выключенной приборной, с цирковой и в барабанным ритме. Я рад был рассказать о новых работах художников, о новых книгах поетов, о том, что издавательство «Ван Хоэ» подготовило первое отдельное издание стихотворений Пугинина на вьетнамском языке (переводы пугининской поэмы были изданы раньше). Молодой поэт Хай Туан, автор значительной части переводов (он тоже учился в Москве), рассказывал, что Пушкина вьетнамские полграфисты набрали шне очереди как самое срочное издание военного времени. Набирали за пределами столицы, в типографии, эвакуированной в безопасное место, где и некоторые другие произведения и учреждения. Почётное место в книге отдала еще «Благодать».

Все это не мелочи, не частности. Те, кто публикует и направляет полеты американских бомбардировщиков, рассчитывают, безусловно, не только на военно-экономический, но и, конечно, на психологический, моральный эффект. Терроризировать, загнать, поддаться, известности до уровня объёмного утасом стада — вот, несомненно, один из «дальних принципов» бомбардировочной «стратегии». И то, что этот дьявольский расчёт проваливается на каждом шагу, — само по себе уже победа. Победа света над мраком, человека над зверем.

Еще вспоминается пугининское гнездо на берегу реки Ма, в провинции Ханхоа. У зевинного луга есть дежури молодой парень, боец народной милиции, крестящий на местного кооператива. На пинное в крохотном бандажике ле-

«Май бай» —

означает

«самолет»

«Май бай» — и дети по кустам

Расплылись кругом.

«Май бай» — и тотчас по местам

Зенитчик бегом.

И пулеметной трассы нить

Уже легла сквозь ночь,

И что могу я изменить,

И чем — сейчас! — помолю!

Приближается город Винь.

Значит, шлем поглубже надвинь,

Чтобы спутник на этот раз

Не углядел

твоих

глаз.

Приготовься, спецкор, держись:

Здесь под бомбам твоя жизнь,

Завыхавшая в горном дыму...

Ты мужчина, и потому

Стыдно плакать тебе над ней.

Не заплакать — еще стыдней.

Небо — ах, какое голубое!

В сеточке зенитного прицепа.

Небо — ах, какое голубое!

Надо мной сейчас в проломе крыш,

Крыши над разбитой средней

школею.

Проблема, протопая теплый ямень,

Небо отражается в воронке,

Тоже — ах, какое голубое!

Легче жить, когда с началом ночи

У земли не остается неба.

Я записываю эти строки

Здесь, в музее города Хайфона,

Автокрандизмом исправным

С маркой «Майбай» и... далее все

ясно.

Автокрандизмом, который

Я видел в паране сбитого пилота.

Как толкует, почти по-свойски!

Ведь молчала же до сих пор!

Да и сам-то я как, позволить,

Разберишь ли разговор!

«Нет... — внимание словам ответа. —
Ношу с плеч моих не Берн.
Не в привычку тебе все это,
И ладно твоим белы.

Благодарим вперед за помощь.
Но торопимся, нам пора.
Если протис в лицо запомнишь —
И на том спасибо, сестры!

Е щ е о м у з е

Дорога тянется — будто свисает —
По дорогам, в душных нотах.
Женщины зыбкая вереница
С коромыслами на плечах.

Как веси: две чаши, два груза,
Да еще — дите за спиной...
И срывается с места мушкет:
«Помогу!»

Хотя бы одной!
Не удерживай!

Знаю, вьюну,
Что по выходу.

Всех высок материй выше —
Просто так шагнуть и помочь...

И едва ли опишешь кратко,
Как в тот день она хороша,
Альтрусточка-пенниградка,
Сострадательная душа!

Как звенит голосом! И руки
Как слова помогают в такт!
«Извините меня, подруги,
Но воспитана я вот так:

Если рядом кому-то трудно,
Не могу шагать налегке...

[На канюке же она попутно
Изъясьется рысью!

В 1930 году в провинциях Нге-Ань и Ха-Тинь начались события, оставшиеся в истории Вьетнама под именем «Восстание за власть Советов». В провинциях были созданы народные Советы — первые органы революционного народовластия на вьетнамской земле. Советы эти продолжались недолго: колонизаторы подавили революцию. Тысячи людей были брошены в тюрьмы, отправлены на каторгу. В Мизане революция — рывок наперед того времени — рывок наперед и цели. Есть и фотографии, на которых запечатлены люди: руки и ноги стиснуты деревянными колодами, на шее томи деревянные колоды. Но глаза у этих людей непокорены. Советам послушно ударя барабана, огромного, оббитого буйвожьей кожей. Этот барабан и сейчас хранится как драгоценная реликвия. В провинциях Нге-Ань и Ха-Тинь и сегодня барабаны подают сигналы тревоги при налетах американских бомбардировщиков.

Круглая форма знача — это символ знаменитого барабана провинции Нге-Ань. На нем два флага — флаг Демократической Республики Вьетнам, красный, с золотой звездой, и знамя компартии, красное, с серпом и молотом; спол рисовых колосов и трубы заводов — символы мирного труда. Знамя вымпелов в 1960 году в провинции Нге-Ань этот значок служил наградой ударе труда и боячей самообороны, отличившимся в боях с американскими воздушными бандами.

Еще в тридцатых годах во Вьетнаме под руководством Коммунистической партии Индонезия развернулось широкое революционное движение, охватившее всю страну. В крови патриотов потопили колонизаторы революцию. Но, несмотря на страшные репрессии, компартия продолжала существовать, народ продолжал бороться.

В годы второй мировой войны Вьетнам был аннулирован еще и японским милитаризмом. Но японскому милитаризму, как и гитлеровскому фашизму, пришел конец — их разгромил Советская Армия. 19 августа 1945 года революционный народ Вьетнама восстал. Августовская революция завершилась полной победой и образованием первого в истории Вьетнама действительно народного государства: Демократической Республики Вьетнам.

2 сентября 1945 года была провозглашена Декларация независимости Вьетнама: «Вьетнам имеет право быть свободным и независимым». Этот день и является днем образования Демократической Республики Вьетнам.

Вы видите значок, образующий герб ДРВ. Как герб вирополюющей демократической страны, строящей социализм, он осенен алым знаменем и золотой звездой, умет красными риса — символом мирного труда; шестеренка — символ индустрии; народная промышленность.

В 1930 году была создана Компартия Индонезия, в рядах которой выросли революционеры Вьетнама, те, которые встали на пути колонизаторов войны, Соппротивления, когда Французские империалисты снова пытались прибрать к рукам свою прежнее колонию.

В феврале 1951 года состоялся Второй Съезд Компартии Индонезия, на котором было решено партию назвать Партия трудящихся Вьетнама. Председателем ЦК был избран товарищ Хо Ши Мин.

Этот значок вышущий в 1960 году в честь 30-летия Компартии Индонезия. Он вручается старым коммунистам.

Молодая республика с первых дней своего существования приступила и сопротивлению новой жизни. Но не прошло и месяца, как французские колонизаторы развязали войну, стремились вновь захватить всю вьетнамскую часть страны, аннулировали наиболее крупные города.

Коммунистическая партия призвала народ и отечественной воле Соппротивления. В эти суровые времена президент Хо Ши Мин обратился к народу с призывом сплотиться в борьбе против захватчиков: «У кого есть винтовка, пусть вооружится винтовкой, у кого есть меч, пусть вооружится мечом; если же нет денег и вин, вооружитесь молитвами, попутая или палками. Все как один должны подняться на борьбу с колонизаторами во имя спасения родины». И поднялся народ, и зародилась земля у оккупантов под ногами. Отряды партизан — народных воинов — слились в регулярные войска Народной армии. Уже в 1950 году были предприняты серьезные наступательные операции по уничтожению французских гарнизонов.

И вот наступило решающее сражение в Дьен-Биен-Фу. Оно продолжалось 55 суток и закончилось 20 июля 1954 года.

Дьен-Биен-Фу — долина в малые славянских горах. В ней стояли самые большие гарнизоны французев, опоясанных колючей проволокой.

Многие месяцы стекался в Дьен-Биен-Фу огромный народный воиско. Чтобы попасть в долину, нужно перейти через горы. Брат беспрерывно бомбил французев, и по дороге вьетнамским солдатам пришлось много раз спускаться в долину, чтобы по горным тропам. Вручную втащивали в горы орудия.

Много людей потребовалось, чтобы впрямь везли долину Дьен-Биен-Фу, проложили стеномерную сеть глубоких траншей, подбирозисли и укрепляли врага. И начался штурм. Вьетнамцы очень гордятся тем, что в этом штурме солдат был Динь. Это полтора подвиг русского солдата Александра Матросова.

В Дьен-Биен-Фу стало решающее. Оно приносило победу народу. Дьен-Биен-Фу послышался знаменем Женевские соглашения. Этот значок — значок бойцов Дьен-Биен-Фу, которые не только пригласили непосредственное участие в этом штурме русских солдат, знаменем Дьен-Биен-Фу награждают особо отличившихся бойцов армии ДРВ и других стран, которые в боях встали бок против американских агрессоров.

Огромную победу в истинной склатме с врагом в войне Соппротивления, народ Северного Вьетнама приступил и восстановлению народного хозяйства. Двенадцать лет — несмотря даже на то, что последние два года города ДРВ подвергались постоянным бомбардировкам — идет неуклонное развитие народного хозяйства. Были на только восстановлены разрушенные старые предприятия, но и построены много новых: выросли целые отрасли неважной во Вьетнаме промышленности. Главные содержание совершенствованию, но и создание передовой социалистического типа.

В Хайфон еще в 1926 году был построен французским инженером завод. В более поздние годы этот завод дал 22 тысячи тонн цемента в год. Уходя из Хайфона, французы разрушили завод. Их специалисты закрепили: «Чтобы завод пустился вновь, требуется не меньше двух лет». Но завод пришел новой жизни — народ. Рабочие откопали спящие ими машины. Восстановили все, что могло. Но не хватало специальных знаний, правительство попросило Советский Союз, и на завод в конце сентября 1955 года приехал русский инженер. Запущена работа. 1 ноября был пущена первая печь. Русский инженер вступил немедленно приступить в и строились вьетнамские рабочие тоже хотели, чтобы так было. И 7 ноября пошел первый цемент.

А в 1958 году завод стал производить цемента в два раза больше чем при французах. Сейчас выработка уже утроена.

На заводе много бригад социалистического труда. Построен рабочий поселок, светильни, малые, тестовые химинии. Есть детские сады, ясли, прекрасная библиотека технической и художественной литературы. Многие рабочие завода участв в вечерней технической школе. Завод стал не только мощное по производственной цемента, но и ста образцом социалистического предприятия.

Действительно завод в 1965 году был выгущен сплавляться в ДРВ. Это не просто юбилейный сувенир, это знак уважения рабочим — ударникам труда.

ОАИ МОС

А этот значок вручают выпускникам Ханойского политехнического института.

Колонизаторы не допускали детей рабочих в высшие учебные заведения. Поэтому в ДРВ было очень мало своих специалистов, и поначалу главным образом это были те, кто учился в институтах Советского Союза и в других социалистических стран. Но стране нужны свои технические кадры, много инженеров, техников, педагогов, чтобы обеспечить рост промышленного народа.

Политехнический институт открылся в 1956 году. Его возглавил на окраине Ханой — на том месте, где у колонизаторов преяма стоила тюрьма. Строила институт молодежь, будучи студентами.

Институт дал стране уже более шести тысяч инженеров. В связи с бомбежками институт эвакуировал студентов в джунгли. Студенты построили себе хижины и там же учатся. В Ханой они приезжают только для того, чтобы поработать в лабораториях, и для демонстра в отрядах самообороны. Бомбят техник этих отрядов — на пилонской крыше института. Здесь у крупнокалиберных пулеметов сидят студенты и в перерывах между налетами читают учебники. А когда в небе Ханой появляются американские бомбардировщики, студенты наводят прицелы, чтобы отстоять свое право на жизнь в свободной демократической стране, право на учебу. Много потребовалось специалистов, чтобы после победы вьетнамского народа вновь восстанавливать разрушенные бомбами.

Имя народного героя Вьетнама Нгуен Ван Чой, подполковника и пилота, расстрелянного 5 октября 1964 года в Сайгоне после восточнейших пыток, стало во Вьетнаме символом мужества и героизма. Вить таким, как Нгуен Ван Чой, значит для каждого юноши быть стойким до конца в борьбе с агрессором за спасение родины.

ЦК Союза трудящейся молодежи ДРВ учредил значок «Герой Нгуен Ван Чой». Это высшая награда комсомолец Вьетнама за трудовые и боевые подвиги.

За два года силами противовоздушной обороны ДРВ сбито более 1300 американских самолетов. В провинции Тяхькоа есть большое поле, на 1000 американских самолетов. Книжкице перлюстрированной американской техникой производят потрескавшие и выцветшие: груды истребителей металла, опаленного огнем, на разных кусках алюминия нарисованы вальеры и черные бомбы — на некоторых двадцать на других сорок, есть и такие, где за пятнадцать. Черные бомбы означают число боевых вылетов сбитого стреляющего.

На одной зенитной батарее мне подарил значок-медаль. Солдатские руки, уходящие упрямый зенитный орудий и послышав свои снаряды в чистыххотелый сбитый над ДРВ самолет, сами вытолкнул его из алюминия этого самолета.

Почти все женщины старого Вьетнама были неграмотны. Они выполняли самые тяжелые работы и получали за собой тяжелый труд гроши. Сейчас в деревне женщины — и работницы и хозяйки сельхозкооперативного кооператива. Много женщин работает на предприятиях, это равноправные труженицы, граждане своей страны. ДРВ широко развернуло движение среди женщин. Известно оно «Три замены». Это значит заменить мужчин в труде, а если мужья и в бою, овладеть техническими профессиями, а значит учиться, заменить детей погибших матерей.

Это движение подняло сознательность еще недавно неграмотных и забытых женщин. Мне рассказывали на текстильном комбинате в Ханой, что некоторые женщины имеют уже по шесть профессий. Если раньше они были только ткачихами, то сейчас они стали мастрями, наладчиками станков, начальными цехов, руководителями предприятий.

Учеба вьетнамских женщин — это тоже своеобразный героизм. Занятия в школах для взрослых проходят в обеденный перерыв и ночью. На занятиях, как и на рабочих местах, в станном, рядом с женщинами стоят винтовки большинства из них бойцы отрядов самообороны и при этом отлучили стреляли.

Вот значок ударника движения «Три замены». Женщины Вьетнама носят его с особой гордостью, они видят в нем утверждение высшего человеческого достоинства новой женщины социалистической страны, равноправного бойца в общей борьбе за спасение родины.

Из 4 миллионов молодежи ДРВ 1 миллион ДРВ выписал комсомолец. Но такие условия, которые создались в жизни Демократической Республики Вьетнама за последние годы почти непрерывных бомбардировок, потребовали от молодежи не только проявить мужества и героизма, создали новые трудности, ставшие серьезным вызовом для молодежи, которое стало называться «Движение трех готовностей».

Всегда ДРВ выписал комсомолец и сражаться мужественно. Готов всегда вступить в армию, вступить в партизанские отряды, в отряды самообороны. Готов преодолеть все трудности и отдать все силы на плущающую родину. И в учебе и в работе быть вперед, невидан на такие обстоятельства. Готов выполнить любые задания, которые потребуют от меня родина. Готов работать там, где буду нужен.

«Движение трех готовностей» требует от молодежи не только стрелкового и партизанского и конкретных успехов в бою и труде. Отличница этого движения вручают значок, он там и называется — «Три готовности».

Комсомол и пионерия — молодая сила трудового и героического народа Вьетнама. Дети должны быть крепкими, стройными, как ростки бамбука, говорят во Вьетнаме. И поэтому на пионерском значке изображен молодой побед бамбука. Как исток социалистического государства, Демократической Республики Вьетнама проявляет особое внимание и детям и заботу о детях. Ребятишки все без исключения учатся в школах. Проходят, беспрерывно бамбукам плещут ребята в своих маленьких тетрадочках классные работы, домашние задания — бумагу надо беречь, идет война. Дети чистые, здоровые, ищут вьетнамские работы. И, не жалея быть, убеждены бы на фронт, чтобы самим сразиться с врагом, как делали это наши пионеры в Великую Отечественную войну. Но бежать нигуда не надо: война родом, бомбы сыплются на берега реки Бамбай, разделившей Вьетнам на Север и Юг. Он пишет: «Американцы разрушили нашу школу. У нас по приезде в Москву я получил письмо от маленького мальчика Чонг Шона. Он живет в Минь Линь, на самом семнадцатом параллели, на берегу реки Бамбай, разделившей Вьетнам на Север и Юг. Он пишет: «Американцы разрушили нашу школу. Я очень разозлился, но я совсем лих не боюсь. Я хочу теперь учиться в другой школе и обещаю, что буду учиться очень хорошо».

Пионерия Вьетнама не боится налетов американских бомбардировщиков, а лишь во Вьетнаме разбито столько школ и столько погребено ребят, чтобы наши ребята могли бы овладеть на летящих самолетах, являясь американского летчика и ребенка Вьетнама — военный объект.

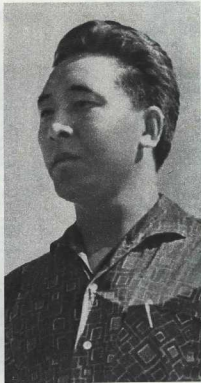
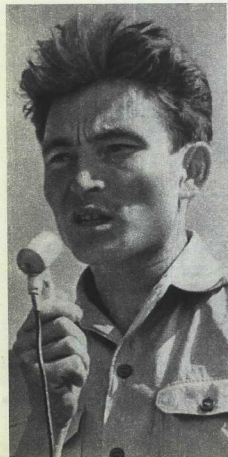
Правительство ДРВ в труднейших условиях борьбы с американскими аггрессорами принимает все меры, чтобы бы спастись для будущего юности страны. Школы эвакуируются в безопасные места, и там, в джунглях, пионерские отряды организуют свой быт сами. Больше того, они берут шефство над детскими садами и школами.

А комсомол, или, вернее, Союз трудящихся молодежи Вьетнама, — это молодежь, которая, в отличие от детей, это самые героические защитники своей родины.

Значок «5 августа» — боевое отличие тех, кто принимал непосредственное участие в боях с американскими самолетами, тех, кто сбивал, сбивает и будет сбивать стартерингов, нарушающих санкции мирового неба Вьетнама.

Значок «5 августа» называется так потому, что именно 5 августа 1964 года был совершен первый налет американских бомбардировщиков на ДРВ, были предприняты первые авиаразведочные бомбардировки вьетнамских городов и поселков. И в этот первый день было сбито 32 самолета.

За три года его секретарства в Рудный в путевках комсомола приехало семь тысяч добровольцев, и добрую половину он встречал сам.

Когда городской комсомолки вручили орден Трудового Красного Знамени, кто-то из ребят пошутил: «Теперь будем носить по очереди». «По часу каждый», — уточнил секретарь горкома Володя Кравченко. А если продолжить эту мысль, то Топе орден, наверное, достался бы на целую неделю. — Наше слово весомо. Его подтверждают пятнадцать миллионов тонн руды, добытой нами. Мы можем и будем давать ее еще больше. Геологи недавно установили:

На митинге солидарности с народом борющихся Вьетнама выступил горный мастер Анатолий Калашников, шофер Валентин Есоров, помощник машиниста Сергей Сейфатов, начальник участка Сейтен Аспанов.

Фото В. САККА

большие запасы в полтора раза больше всех обнаруженных месторождений в Соединенных Штатах Америки. А ведь мы, ребята, еще только начинаем работать...

Знакомые цифры... Любый из участников митинга может сказать: «Моя руда». Но, наверное, уверенней всех — Миша Кубеков, лучший машинист экскаватора. Когда-то на комбинате был выпущен специальный плакат о работе Кубекова. А недавно он со своим дружным ушел на 106-й экскаватор. Оставил свой, новый, благополучный, и пересели на старый. Первый месяц 106-й ремонтировал, а потом дали план и даже вышли вперед. Сейчас на экскаваторе написано: «Комсомольский».

В котловане разрастается оврация. Кажется, что шумит горная река. Рядом с Калашниковым стоит Захэн Ха, вьетнамец, студент Ленинградского горного института, проходящий практику в Рудном.

Сколько раз ребята видели его шагавшим с теодолитом на плече по карьере. Порой улыбался: теодолит больше Захэна. Но когда речь заходила о Вьетнаме, он был для всех

символом своей страны: упорный, негибкий, вечно занятый делом. Невольно зная, что у Засана под Хансом семья, братья, сестры. Он увлекся, стал рассказывать о письмах, полученных из дому. Ребята гордо каждо, где живут его родственники. Детей увезли на север. Три его брата записались в ополчение, получили вытравки...

— Хо Ши Мин сказал, что будем воевать сколько понадобится и непременно победим. Победем, потому что мы с нами.

Аллодисмынты снова заполнили чашу рудника. Засана подлил вверх скатый кулак, и тут же взметнулись вверх пудовые кулаки горняков. Ведь крепко скатый кулак на толкание снавал силы и мощи, но и знак единства и взаимопомощи.

Об этом говорили и Сергей Свейритов, помощник машиниста электростанции, и шофер Вадим Егоров. Ребята слушали чутко. Уже который год работают они в карьере на самых трудных участках, и их знают все.

На капот взбирается Сейтен Аспланов:

— Мой отец... говорит он, — гоним здесь тубуны лошадей. Сейчас я, сын и внук аксакала, живу в городе. Рудный сегодня — это 100 тысяч жителей, 3 тысячи студентов, 125 бригад коммунистического труда... Город, и комбинат построены молодежью. И страна наградила нас, комсомольцев, орденом... Все это доказательство нашей силы, это порука тому, что помощь наша Вьетнаму надежна и весома.

Сейтен только что кончил сызну. Свою, особую, комсомольскую, длающуюся досе суток. Она укладывается в одно короткое слово: сход...

Местоний ливень эпосадил полотно. Очередной электротяг пошел по рельсы, опрокинув думпкар. Когда Сейтен с ребятами добежал к месту аварии, все было конечно: надо было разгрузить состав, подогнать кран, выравнивать полотно. Но вся беда в том, что на этот горизонт невозможно было подогнать технику. Такого еще здесь, на руде, не было.

— Ну что, нормальцы, будем делать? — спросил Сейтен ребят. Они действительно были сейчас нормальцы комбината.

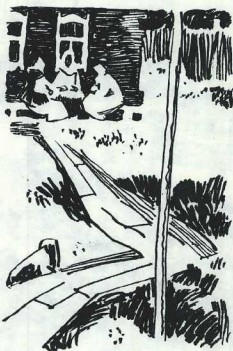
— Работать! — уронил кто-то. Так началось комсомольская смена. За две суток, всего за двое суток, комсомольцы прямо на месте починили думпкар, собрали тележку, выровняли и исправили полотно пути. Экскаватор загрузил состав, и пошел наверх, как когда-то эшелон с первой рудой Сарбас...

Снова взметнулись вверх кулаки, и, пока Толя Кашанский читал резолюцию, все стояло.

...А потом площадка опустела. Очередная комсомольско-молодежная смена ушла в карьер. Делать руду. Ту самую, из которой можно делать тракторы и станки, а если нужно, снаряды и танки.

В тот же день на пленуме городского комитета комсомола Рудного была принята резолюция солидарности с борющимися народом Вьетнама.

Л. СТРИЖОВСКИЙ

олоко

В поселки Момотова я попала по заданию ираевой молодежной газеты. К вечеру отсыпая заезжому, узнала, что хозяйка отлучилась, но вот-вот вернется, и успела поговорить с ней тут же на крыльце.

До блеска высибленные ступени были гладки и прохладны: цвел вьюнок, цепляясь за грубо вытравленные балки; белая курца бродила по двору, шаркая в стороны то одной, то другой ногой.

После дня, набитого пылью, насадным всем лесоавтом, неподвижной ирной жарой, очень хорошо было сидеть, вытравив ноги в оставшихся резиновых сапогах, молчать, и хотеть, чтобы ожившие не возвращались подольше. И мысли прихледи в голову легкие, неумотительные...

Например, я думала об уличных звуках. О том, что в городе они воспринимаются огульно, сплошным, слитным гулом. А в селе каждый звук, особенно вечерний, катится отдельно, округлив и влажный, как вымывтая черешня. Протархтела телега... Ритмично прокрил колодезный ворот... Собака перерывушила лаем...

Потом я вспомнила один далекий город, в котором звуки живут не сплавясь, а тоже каждый сам по себе. Только здесь их сравнительно мало, и они плавают, а потом тонут в тишине: в том же городе для тишины места не хватает, они топчутся на ступенчатых улоках, мигаются в гулких ворах, бубнуют внутри зданий. Но любой из них там ярче, так нетерпелив и ягуч, что не может затеряться в общем хоре.

есть не

Вы если не в тот поезд. Так уж случилось. Вы заметили это еще в пути, но странная оценка: почему же вам вылезти на первой же остановке, и вы поехали дальше, вынуждая себя до следующей станции.

И вот теперь, выйдя на перрон, вы полностью осознали себя человеком, с вами и не в тот поезд и приехавшие не туда. Другая пассажирка смеется и натравит ламку вусно пахнущей растой. Другая пассажирка, не оглянувшись, вынуждает засмеившиеся улицы далекого поселка. Другая пассажирка кто-то встречает и вываливает себя из загорожи их тимелье мешки.

Но между другими пассажирками и вами — пропасть. Вы пария. Вы непонятная личность. Вас никто не встречает. Ваши благоуханные ламки жагут вас не за с с, а та м; там, где друзья расщиваются вокруг стола, где дымятся блины и на дне графина несомно помышутся лимонные корочки.

Разрешая лыжня не для вас. Улицы и звонкие идиотки не для вас. Вы ирочно бредете по шпалам, чернею от сажи, между которыми снег, спреспесованный и изгравезный солнцем, тоже черен от сажи. Вы ирочно глядите по сторонам и думаете, как убить два часа, потому что обратный поезд будет только через два часа. Вперед! Ибо, Серая и слева деревня. Слева еще тропинка на. Она тянется рядом с железнодородным полотном, нигде не убежав, но и не слышном приближаться, точно боится испачкаться о черную сажу.

И вдруг вам овладевает нетроодное желание: оказаться на этой тропинке, опустить ее под пошывание, протиснуться по ней... Вам необходимо сделать это немедленно, сино минути! Вы ступаете с полотно в серый снег, лежащий между вами и тропинкой, и продолжаете по пошыванию, делая еще шаг и проваливаясь по пояс. Но это современнейший поступок по сравнению с вашим: вы ирочно попаста на тропинку. Вы бархатываете в снегу и потогу, выбравшись, долго вытравиваете его из ботинок, варяжем, рывком, и прыгаете на одной ноге, и светаете, и зыстываете в удивлении перед этим снежком, неожиданно погодившимся, что вам хорошо, так хорошо, как давно уже не бывало.

О П Л О Т

Тан и вспомнила Тбилиси, и было что-то озорное и даже опасное в той легкости, с какой свинила павшая таинской субтропической сосны и кичиню, размахивая, горластую грузинскую стоголу.

Потом прокрутился перед ним вчерашний сегодняшний день, и увидел, как у сакала «стопа», а дело было вот в чем. Утром на леспросто-ростовой доске почта мне районского ния «Данте». Знатный Данте работал в механических мастерских. Он считался лучшим рационализатором и изобретателем во всем районе. У него было русское отчество «Николаевич», звали его фамилия «Нормаль», и судя по фотографии, чепачные бровные морщина на лбу и в углах сугубо рта.

И хотя я прекрасно понимала, что совпадение само по себе ничего не значит, мне было приятно думать, что шоферы и трактористы, а ведь их знающие с творения прославленного флорентийца, производят ния Данте с почтением, и оно связывается для них с дерзанием и мастерством.

И снова младшей поселок, притнувшись и берету голубой и акавоватой реин, показався мне живой маший мир, несомненно протяженный в пространстве и времени.

Меню там быстро сменялось. Небо, еще при тлевшем на западе, с востока запылаво темной ночной синевой. На огороде полки и елочки запылаво нарзательной облак. Нудато скрылась белая курна. Стало ясно, что ждать хозяйку — дело ненадежное, и надо позаботиться о ночлеге.

Я вышла на улицу, побрела по дощатым мост-

нам. Возникли огромные женские голоса, сначала как будто далеко, потом оказались совсем рядом, на лавочке, дома через три. Когда я подошла, они приюмили. Луна еще не показалась, лишь белела сумато, и было сырливо и непривычно стоять перед этими женщинами одетой в уютные городские брюки, держа за длинный ремешок карбофостовскую сумку, и объяснить им свое незавидное положение.

«Но вот одна поднялась со скамьи, сказала: «Пойдем, у меня переночуешь». Взяла меня за руку теплой жесткой ладонью, повела через дорогу. Шла по мосткам, через наветку в дитом залпате лавочка звянула чутгунным молотком, скрипнула лавочкой, босовато), через темные прохладные сени в избу. А там было тепло, и голумар, и нахло сладко и грустно: печеным хлебом, молочными иринками, явлым берестовым листом.

— Давай сюда сумку, — сказала женщина мопдама спалывавым голосом. — Хочешь умыть? Пойдем в ограду, у тебе солюю...

Она вынесла большой ковш, и я умылась лужицей, издала воду прохорошим на лицо и шею. После ступления, на которых вы стоили, растелся дождик, в ней шумно и робко задрожали две звезды.

Подавая полноте, женщина спросила, как меня зовут, и сама назвалась красивым недеревенским именем: Регина.

Свет мне загоргал не стали.

— У нашей мамы сон чутиний, — пояснила Регина. — От головок они не просыпаются, а свет им

сразу сон сбивает. А им вставать завтра до свету — в район охота.

А сама она дигалась лоды, споро, даже что вполтама, оставила на стол тарелку с какими-то печенками (мама сегодня шавила стравлен), полезла в подолку, протянула оттуда фар запловзую иринку «Дарманта».

Ставил худяного она была прикрыты неполом, голубой луж ребром стола на стене и тмизу далама, к печке, постепенно растворился в теневе. В луче явным стакан, колдони и рею сверку. Странно, наполнился мерцающим светом.

Потом в дню его уадила короткая плоская струя. Станов стал белым, засветился матовым, белым.

С себе Регина постелила на полу, мене уложила на кровати. Ми немного поговорили. Я узнала, что муж ее — шофер и уехал на неделю в ковадировану. Он старше ее, поменьшнее или недавно, и она очень случает.

Потом мне пришлось рассказать, завуем ли я, мне работае и сколько платат за строчку.

Потом и услышала глубокое, редкое дыхание Регина и заснула сама.

На другой день я поднялась, по городским представлениям, довольно рано: радио толькомногочло прощало веселье. Но в доме уже никого не было. В кухне лежала на столе записка: иконич сию тетрадью обложке, испанским карандашом торпотоливо, твердо и не очень грамотно.

«Мы рано уадили не стали будить. Попей молока хлеб еш, иичи в тебе у дороге свалда и сало. Запрещ увезти илюк полочки наверх».

А лица ее в так и не уацелса.

О Е З

Потому что зимний день свеж, беззвучен и полон мягким молочным сиянием. И потому, что тропинка наверху алая, а в долине — темно-лесное, но главное, и в этот лес и в этот день вы входите человеком, отмеченным особым значением.

Счастливый случай дарован вам, пусть всего на два часа, потому что вы идете домой, а вы родные знают, что вы поехали на дачу и друзьями едите блины, пия лимонную настою, и разговариваете о литературе.

Вас уже не ждут там, куда вы должны были приехать. Правда, друзья несомненно рассраждомся вашей необратительностью, но ведь это до первого телефонного разговора, когда выяснится, что вы просто-напросто сели не в тот поезд. Ведь не по дороге же воле вы это сделали!

Кстати, оказывается, совершенно невозможно сесть не в тот поезд по доброй воле. Если человек по доброй воле садится в в тот поезд, поезд мгновенно превращается в тот! Сеть не в тот поезд — ладкое, сильное везение, удача, немандный дар...

И вот вы идете по незамкнутому лесу в полном и ликующем одиночестве и слышите, как шумит прошлогодняя хвоя, опалая на голубые сугробы, раскрякна в лавочках помылуге лоту моме-величина; видите на дворе дятла (тук-тук — делает дырку, носит на вас глазами и скова криво и сильно тук-тук) и замечаете, что сияющий зайчик след обрывается у недальнего куста.

Между прочим, звери и птицы не боятся Человека. Человек не в тот Поезд. Далеко ехли у него тропинка, а вы идете по ней, и птицы понимают, что лететь чаще всего стреляет в них и убивает их, а все же потому, что вы идете к тому, кто хочет. Просто с того самого момента, когда еще дома, в городе, он берет в руки патроны и нагнетывает выские снапчи, он вступает в игру, именуемую стрелом.

Поэтому, если вы должны сесть в поезд (в тот по езд), приехать в лес (в тот лес) и, за спиной виски или куртку, являть, стовая, и сделать это как можно лучше, дома, в городе, оно-шавило тайный или открытый, а вы идете или нурапотола, а дичью и слышите доказательство, что игра сыграна по всем правилам.

Человек же, Севичий Ез, в тот Поезд, нарушает условия игры в самом начале, и все его дальнейшее движение происходит не по правилам, а востепенным изменением. Но человек редко ищет поступать по правилам.

Эти озорные мысли приходят вам в голову потому, между прочим, потому что вбродите в дом, и вы увидите, что вы идете совсем иную задачу. Вы ищите нитку. Вернее, не ищите — смещаете нитку влево, — просто признаете, из чего что на вас надето, можно было бы ее выдернуть. Вам очень нужна нитка, что повисла на плечу альпийского. Тот самый, который вы достали из кармана.

Почему альпийский оказался в кармане? Ну, видимо, потому, что вы его туда положили... Почему вы таскаете его подмышку и до сих пор не вынули?

Часто говорят, ответить на этот вопрос почти невозможно. Но если бы ни заявляла никак-никуда серьезная наука, она наверное бы выяснила, как вы дергаете нитку из шарфа, обязываете ее тугие альпийские боксы, лезете через сугроб и невесомую про-селеную сосенку, вам представляется вот что.

Намочка, зачем вообще вешать альпийский на сосну?

О, тут все объясняется просто! Вы давно заметили по нраву тропинку отмеченная маленьким кружком от лыжных лапок. И в то время, пока вы дергаете нитку из шарфа, обязываете ее тугие альпийские боксы, лезете через сугроб и невесомую про-селеную сосенку, вам представляется вот что.

Рано утром, рано утром, широк-шири-ширирая лыжами, побегут в школу двое мальчишек.

Вот это дал — скажет один из них. — Альпийский на сосне!

— Врешь, — ответит другой.

— Нет, правда, сам закривил шарф! — На сосне растет заправдавший альпийский!

И они спорят со всех ног и сосны, и дотрутши до альпийского, и увидят, что, конечно, не растет, а прикиван голубой ниткой, но разве в это дело? Альпийский в кармане альпийского, а вы идете в «Ы в лыжных семнадцати человек (трое отсутствуют по уважительным причинам) будет целый

день думать про альпийский, шептаться про альпийский, поминавать альпийский друг другу из-под парт и вечно иичинать при этом.

А ночью всему третьему «Ы влассу в молдичестве приснится альпийский. Будут думать альпийский альпийский, как не пригнри, и альпийский огрынок, как лунный... Ми пригнрись ормывые альпийский альпийский, и зеленые альпийский на ормывых деревьях, и альпийский альпийский на белых деревьях, золотые альпийский, звенящие, как позвонье московского радио.

Вот что представляется вам, пока вы зарабатываете из сугроба, и отряхиваетесь, и стараетесь оттереть снегом руки, выпачканные в сосне.

А между прочим, до ближайшего леса в город осталось всего четверть часа. Вам очень мально, что впереди прошею так быстро. Вам не хочется двигаться, тем более что можно дождаться и следующего поезда... Но делать этого не нужно. Потому что через полчаса ваши промочные ноги начнут зинуть; потому что легкая толда сместится стравлением сменить что-нибудь немедля, и вы увидите, что лес и станете крушить по поселку в поисках продуктового лавки, потому что сидки нмаю нончать во время.

Потому вы шагнете обратно по той же тропинке, и той же станции, и странное дело! — с каждым шагом из вашей души уаодит ощущение чужды. А после того, как вы купили билет и вместе с другими пассажирами вышли на платформу, вы, как и все они, стали человеком, который идет своего поезда и который, разумеется, сидет в тот самый поезд.

Есть у нас тут что-то грустное...

Но все же свет высокого и странного звания Человека, Сидящего Не в Тот Поезд, нет-нет да и окуривает нашу душу. И очень может случиться, что однажды ночью вам приснятся альпийский; и вы увидите, как вы идете к тому, кто хочет. Просто с того самого момента, когда еще дома, в городе, он берет в руки патроны и нагнетывает выские снапчи, он вступает в игру, именуемую стрелом.

САНЯ И ДЕНЬ ПОСЛЕ

чего же начать? — спросил Саня, когда бы она почувствовала, что подружился.

Саня — молодой журналист. Его зовут Александр Сергеевич, а точнее, Саргисович. Родился он в Грузии, говорит на армянском, пишет по-русски, владеет английским и по всему миру обладает характером отставного шкипера времен великих открытий.

Нам пришлось выбрать дорогу, по которой мы пришли бы и целое но покатали бы мне, что знает, я написала бы о том, что увидела.

Чтобы приехать не заблудился, боги придумали для него маршрут, — пояснил Саня. — Сначала его vezet смотрит памятники культуры в радиусе двух километров от центра города, потом в радиусе двадцати, потом в радиусе сорока. После чего он уходит домой и идет в магазин.

Мрачный и прохладный, шумный и тихий, суевейный и величественный Ереван вступил в шестое, а может быть, и в седьмое тысячелетие своего существования. Исходил доменные зневи асфальт, била, раскисая струями фонтаны, игдади стеновневных тонкими влажными листьями, и шиферы оползли по горам, как англы, обремененные на бессмертия.

И чувствовалось, что надо быть влюбленным нахолом, чтобы с ходу отобразить все это на бумаге.

— Момент будет, вам надо написать-ка.

— Каким цифрой?

— Промышленный, сельское хозяйство, что было, что есть, что будет и чем сердце успокоится.

Многие начинают с цифр. Впрочем, цифры я мог бы вам сообщить по телефону. Нинги, написанные в питом явны, храмы, построенные в четвертом веке, научные работы, датище в двадцать первый век. Камни и звезды, точное приборостроение и оиды, электричество и трава. Когда Месроп Маштоц создал армянскую азбуку, он написал ее первую фразу: «Чтобы почитать мудрость, и наставление. Почитать изречение разумна». Это было тысяча шестьсот лет назад. Впрочем, все относительно. Почитать изречение разумна, и мудрость, и особенно наставление нам приходится делать за днем. В жизни бывают только начала. Концов не предвидится.

В городе Арминян нарисована Арарат. Он помещается в Турции. В горах Турции нарисована Луна. Она помещается в нососе. Вокруг Луны мотается спутник, сделанный не без участия армянских ученых. Все относительно. Просто надо работать, делать свое дело.

У Маштоца была пестрая биография. Он искал начертания своих букв на венах. И нашел их. Азбука не изменилась. Она пережила много историй. Конечно, существовала латынь — азбука Римской империи. Но величественный Рим уже развалился под тяжестью своих преступлений. Его не спасли ни поэмы, ни полководцы, торжествующие в императории. Он уступил дорогу, ушел в прошлое. И Маштоц не ошибся. Римская бронза не вела его в заблуждение. Это было очень давно, если считать по летам, и очень недавно, если считать по эпохам. Одной из первых фраз нарисован Маштоц был псалом: «Властвуя мужи, они не ходят на совет сестрельства». Через полторы тысячи лет совет Пушкина напишет: «Слушаешь муж не терпит суевства».

Просто надо работать, делать свое дело.

— Саня, какова высота Арарата?

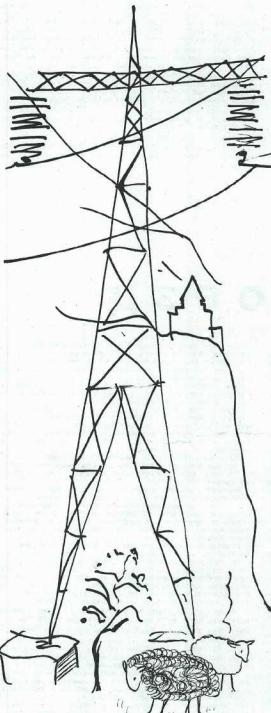
— Километров пятьдесят.

Я заглянула в справочник: — Саня, вы недооцениваете Арарат. Его высота — пять километров, что пятьдесят шесть метров.

— Смотрите-ка, — сказал Саня, — недаром говорят со стороны недаром.

Новые дома, сложенные из крупных розовых камней, на них детских строительных кубиков, — стоит вдоль магистралей и садов. Великий камень — хранит свой неизменный загадочный вид. Убого стареет. В постройках четвертого века выглядывают таинки не свечения.

И Арминян не даром. Один из них нарисована на карте, другие отмечены в памяти, третьи — в гонимых таблицах, четвертые — в древних мифах Матеандарна.

— Слушайте, — сказал Саня голосом пророка, — подем в Загзеур. Все равно куда бы вы ни поехали, вам скажут, что ехать надо было не туда. Но я люблю Загзеур. Мне кажется, что Грин, добравшая свой Зурбаган, не обошлась без Загзеура.

Саня, это уже область романтических догадок.

— И отличию Может быть, я и сам романтик? Откуда вы знаете? Поделитесь. Мы будем проходить и уделае и забираться на горы. Если хотим, мы сможем неогде зачерпнуть шиловым ведром, а лучше — маком. Возьмем с собою шпатель, командирские удостоверения и макиев. Знаете, Атос, Портос, Петроски и д'Артаньян — все свои ребята! Во имя Дома-отца, Дома-сына, Дома-святого деду! Ат!

И уже в самолете, который тащил нас в Гори, столицу Загзеура, Саня показал на окрестного мурчавика, ползшего по самолетоному следу.

— Я же вам говорил, что все куда-то стравится. Спросите у этого дурака, чего он сюда аполз?

Видя на ответ: — Сверху Загзеур похож на творческие исиания живописцев. Как будто молодой талант решил писать маслом, но вдруг переключил и перешил на аэрозоль. Картина не получилась по технологическим условиям: вода с маслом не смешивалась. Получились густые рельефные горы, покрытые густой зеленой травой, и полупрозрачные желтые камни. Получились камни, незатертые небо с замедленным облетанием.

Кроме говоря, картинку не приняли за отсутствие профессионализма. Она была кинематической.

А между тем масляно-аэрозольный Загзеур существует. Он удивляет несоответствием технических приемов и самого материала. Горы должны быть покрыты муравьями лесом. В Загзеуре это не обязательно. Здесь горы покрыты лучшими доминирующими, просто камнями, несложившимися родами, подлесками, за которыми может быть и лес, и луга, и камни, и пролески, и может быть только открытое небо.

Маленький самолет летел, подглядывая на все это по-тихичь, становясь боком и будто даже вертел головой.

Один пассажир, парень в комбинезоне, вдруг позвал в окно.

— Мне туда, видите? Саня переспросил: — Вы с Тетей Элиз?

Исчл — сказала пареня. Он был очень молодой и очень крепкий. Вероятно, от нетерпелив или избытка сил он все время размахивал плечами, говорясь перепарывать горы.

Саня макто быстро ввалил в комбинезон. Однако е нем не было ни развязности, ни фамильярности. Я понял это, когда он вешую прочим рассказывал об одном своем знакомом:

— Знаете, такой душа общества. Таной друг детей и взрослых. Ишоу у него — Зренбург, Косточко колено, Симонет Жениа — не помини: не то Ештупинию, не то сам Евгений Онегин. То Самолет царилуно небольшой лумини и покатились в Буачине.

— Поведел, — сказала пареня в комбинезоне. — Горис принял. Тут, знаете, производств туманов. Везде ясно, а тут как белая вымаривалась.

Он спрыгнул на землю и пошел, не оглядываясь, искать машину.

— Я его знаю, — сказал Саня. — Это происходит со строительства тоннеля.

Мы шли и летали, на котором стояли автобус и газдинь. Выбор был невелик.

— Мы шли и летали, по-вашему, такси в Горисе? — спросил вдруг Саня.

Ольгинда, уверенно... Саня переспросил: — Вы недооцениваете Гори: здесь десять первоклассных таномоводов.

Мы поехали в автобусе, в котором можно было мурить и вести себя подомашнему. Дорога шла между холмов, на которых паслись овцы, росли черно-красные маки и детинчи собирали манушето ягучи. Шофер, пытаясь беседу с камином-то самигором, останавливался всякий раз и горичко, как сердитый родственник, завал ребят в автобусе.

— Марш домой! — кричал он по-армянски. — Дюндь будет!
Дождя не было. Дитя не хотела дождя. Но она шла в халате, в халате глумилею молочно. А за nią шестюга халат усмешки ослик под садом и, стогон халатов неперитые мысли, думал о чем-то очень важном.

Горизонт возился на очередном вислое здание и куски, и изрядный кусок был аппетитно приправлен. Там же окупились в чертогах Зантегра на асфальтированной площадке, где нарпота гостиницы стояли около десяти промаркованных такси.

— Приведь зволнова местную комсомольскую общественность. Пришли Санниа позвонившую с просьбой прислать кошку. Тетевская ГЭС строится хорошим темпом, по животноводству имеется положительный пример. Петросовича можно похвалить, против Спанского, погода обещает быть хорошей, другой секретарь иреравнодушный перерождение.

— Нанонечко, — сказала Саня, — давай пона. Если твой секретарь немается на первом, они создадут третьего секретаря. Им же лучше!
Через проход в садик Саня строят гидроэлектростанцию. Сейчас в тех местах строят гидроэлектростанцию.

— Санниа угномонилась и в открытые окна государственного номера потелла тиза горная нота с запахом озона и легким смородином. Тетевская ГЭС строится хорошо, а победный реж воле, берущих крепление на надрасе, разумеется, не будет. Саня — историческая стена гостиницы. Я в кои-то веки и выигнул в оенку. Пошла зарпудила ее до отката, и в переулочном шти зарпудилась. Площадь скандировала Саню и глумилась ей.

— Саня Проксетис! Началось очередное историческое событие. Это кричат, кричат, кричат. Саня меланхолически приподняла, звуку и снова угелси, пробурчала:

— Наверно, Петросия выиграл... Ну да... Они кричат — ладья, ладья!

Завалила телефон, и нам радостно сообщили, что у Петросия лишняя ладья!

Саня, ноувай горюсцы тане отчаянные шахматисты!

— Не думаю, — отвечала Саня, — просто у многих из них те же фамилия, что у членами мира. Это водоедувает.

Я вышел на площадку. На гостиничной стене висела диаграмма, на которой наждак как великая фигура.

— Сам начальник почты по одному ему известным каналам добрался свидания с Василью подлинным и радуют фигуры с нехотом.
Утром у диаграммы еще толпились сонные любители, предугадывая исход партии.

— Мы ехали в Тете.
Дорога вышла из асфальтированного Гориса изрядно. Наменные приказы по одному ему известным каналам, дополнив молочкой для Армян, забрался в глубокий янтарь, по которому гремит легкая речка. В монастыре пасется Павлик. Подобное использование павлинка старинно умилительно.

— Стены гостиницы, вероятно, лечат от нападения шершней и ос. К монастырю очень трудно добраться. Просто удивительно, как они поленились.

— Как они тут добрились?

— Нет, монахи, Стротрий.

— Стротрий? — спросил я.
— Через наполье тянется линия высокого напряжения. Мачты стоят поперек прохода. Пусть бы поперек прохода был пропасть.

— Давайте построим здесь мост, — сказала Саня, — что от?

— Не мост, а канатную дорожку надо бы. Маленький мостик, а эта дорога — это канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Как же там, природа образовала Чертов мост, под которым ревет канатная дорога.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Как же там, природа образовала Чертов мост, под которым ревет канатная дорога.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Да, это мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

— Вот мост, под которым ревет канатная дорога. Мосты же меланхолически. А поездка в Тете все-таки пока еще возможна.

Николай РЫЛЕНКО

В гостях у Пржевальского

Волны озера плещут ласково,
Зной густеет, а тут само.
Я жму в гостях у Пржевальского
На крутом берегу Сапшо.

Из ступицы от астрон торжественны,
От холонды парадных зал,
Повидавший свет путешественник,
Он в свою Слободу бежал.

Слишком громки слова хвалебные,
Мудрено ни оплохнуть вадру.
Что для русской души целебнее,
Чем смойский сосновый дуд.

Тут он все узелки развязывал,
Настежь дом распахнул друзьям,
Сказки сельским мальчишкам
сказывал,
Где волшебником был он сам.

Сколько было с гостями снижено,
Сколько праздничном видел дом!
Лишь садоза звала зюмюна,
Как козлы скрипел пером.

Вновь бродил ярами да кручами,
В гашине набираясь сил,
И багульничками плазухам
Бор дремучий ему кадил.

А за лесом оставил марева
Тех дорог, что забыть нольза,
И вздыхла нянька Макаряева,
Вороч писем ему неся.

Зате, навеки ей далась заблужка
То встречаю, его, то провожать.
— Слобода ль ты моя, Слободушка,
Улетит наш сокол опять.

Улетит, не спросишь согласи,
Лишь таким упадет слеза,
Неспроста колдовская Азия
Заглянула ему в глаза.

Чем уймешь его, угорелого,
Как, родного, вернешь назад!
Со всего-то со свету белого
На дорогах его глядят.

Вот до знания дошел генеральского,
А не бросил своих причуд...
...Я жму в гостях у Пржевальского,
И легенды радом жмут.
Село Пржевальское.

II

Что мне девичьи причуды,
Что мне летучи, грешники,
Меня летать от простуды,
Я страдаю от тоски.

Пусть врачи со мной не спорят,
Я держу цепь в горсти.
...Занятися милым я горю,
С кем мне душу отвести!

Две песенки

Милый мой, не беспокойся,
Я тебя не разлюблю,
Только серые глаза твои
Чуть-чуть поглубже.

Коль пройду с друзьями с гуляночки,
Серпы, как в терлюю,
Если стану наговаривать,—
Любь, как я люблю!

Все как прежде, как прежде,
Только та ведь — не я!
У нее на одежде
Не блестит чешуя.

Ей в студеное море,
Словно мне, не смотреть,
Ее сердце от горя
Не дрожит, словно сеть.

Мне снится русая богиня

У манси есть легенда,
Где-то в лесу стоит избушка
на дровиной ножке.
В ней живет обитая
в одежде манси Сорви-
над — «солотая богиня».
Но мало кто видел ее —
холодную, тишественную,
в полой и жесточную.

Мне снится русая богиня.
Ее глаза, как ручейки,
Струятся в память, но как
Не вспомнить: сын, зять, коротки.

Она не та, что из легенды,
Не та, что среди лесов живет
И сполох, как будто ленты,
На волосах свои кладет.
Вся в собольях, в шелках, Серезной
Ей служит ранняя луна.

В избушке на посылной ножке
Который век совсем одна.
Но ни один смеельчак покуда
К ней не пришел: пути темны,
И ирваны динор, как выюга,
Все в шубу тайн облачены,
И бесконечные поверья,
Как те леса...

Но я чму
К богине-идолу.
Дерева
Шумят, как птицы на лету.
И вот она! Пред нею низко
Склонюсь, сплуснуюсь в мюх,
Но даже камень обеликса
Теплее ее сполонных ног.
Как страшно мне! Хочу скорее
Препять навеко забыть.
Ее в лаской не согреть,
И сказкой не согреть ее.

Мне снится русая богиня.
[Я в сон но сердце погружен.
И он облекается уж вылет:
Наверное, то вечный сон.]
Она зовет меня: смилей!
И приближается ко мне.
Я, словно ветка, пламенно
На обжигающем огне.

Я напрягаюсь, замираю,
В душе асей — и свет и грусть.
И наконец-то я стою
И человеком становлюсь.

О снах меншцины! Привало
Загадочную власть твою.
Моя богиня! Даже твои
Твои обидеть не могу!
Ты вся — свобода! Я не видел
Такой, как ты. Ты клещ мюной!
[А может быть, ты древний идол!]
Лишь облик современн твой!]
И от изаюльничных вопросов,
Как от мужьяльня колмарья,
Во мне смеление и робость
Проснуты, женщина моя.

Но под твоим туманным оком
Я ничего не боюсь.

Стояю в пламени высокой
И человеком становлюсь.

Перевел с мансийского
Н. ЗЛОТНИКОВ

Юван ШЕСТАЛО

Рыбачка

Где над отмелью низкой
Обь взлетает дугой,
У рыбачки мансийской
Сеть дрожит под рукой.

И серезки похожи
На птенцов из гнезда,
И нежней ее кожки
Разве только вода.

Ее брови, как рыбкин,
Друг от друга плывут,
Ее губы улыбаю
От меня беругты.

Что-то скажут они мне!
Постою, подожду,
Темен взор ее зманки,
Словно прорубь во льду.

Знал мне я взоры,
Не забыл их пока.
Как Уральские горы,
Ее грудь высокая.

— Я все та же, все та же!
Минуту маленькую срок.
Для тебя и я — пропала.
Сам меня не сберег.

Мой дружокче, друтую
Любись ты вдалече.
Ждешь ты зря
И вплугую
Простошь на песке.

По полю метет метелца,
Только жеребец ее быстрее в беге.
По ибуру бредет мовданица,
Сражається в полоничном снеге.
Но невадомы ей девичьи характеры.
Ветры диними взывають голосами.
Девушка едва ль вернется к матери,
Если к иявлюной она ушла в сани.

Девичья дорожка нестойкой жанщины.
Только быт бы по сердцу напарник!
Ты-то взгляды на ветру колочем
на скрещении.

Как рога оленьи и кустарники,
По земле пустынной и завьюженной
Жеребец бежит и косит глазом:
Видит сани и дорогу видит разом,
Видит: девушку цеплет ее суменья.

И МЕЛКАЯ ПРИХОДИМО

НОРМАЛЕТ

ПОВЕСТЬ

Николай ЛЕОНОВ

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

— У меня и вам два слова. Мелатольно Больше. — Винтор улыбался, чувствую, как и нему возрастает уверенность.

— Ваши ребята прекрасно работают. Но могу немного помочь. Человек, который играл в шаматы с Приходимо в утро убийства, существует. Он живет в гостинице на четвертом этаже. Его фамилия Шверновский. Записали?

— Да. Вы подозреваете Приходимо? — не выдержал Винтор. Шверновского опросите подробнейшим образом. — продавая москвич, не отвечая на вопрос. — Дню?

— Да-да, конечно. — Винтор быстро все записал. Запросите у Москвы данные на Друмова. Необходима подробная характеристика.

— Уже послал запрос на всех троих, — сказал Винтор.

— Молодец, — взвздыхая в ответ. Винтор услышал, как черкнула ручка, и поймал себя на мысли, что думает сейчас не о деле,

а о том, кто же его таинственный абонент. И, как бы в ответ на его мысли, москвич сказал: — Я не встречался с вами, Винтор Иванов, по той причине, что у преступника в городе есть партнер, который со стороны все перепроверит самыми тщательным образом. Согласна?

— Вам виднее, — ответила Винтор. — И второе, — продолжал москвич, — пожалуй, самое главное. Я не говорю вам о своих предположениях, хотя почти уверен в них, чтобы вы в своей работе шли самостоятельно. Не свертывали бы на происходящее мумиями глазами. Обработка всех фактов с разных сторон исключит ошибку. Сделаю дондательства более полными. Через день, самое позднее через два, мы с вами увидимся и закончим операционную работу.

— В чем задержка? — не выдержал Винтор. — Может, нужна наша помощь?

— Я не могу точно установить, где преступник хранит похищенное.

— Вы же говорите, что преступников двое. Второго не можете увести похищенное из города? — перебил Винтор. — Исполчено. Сами знаете нравы наших клиентов: закон — тайга, медведь — хозяин. Нет, здесь

ни о каком доверии и речи быть не может. — И немедленно закончил. — Будь здоров. Винтор полошил губами. Была стародругина и послал его в гостиницу искать Шверновского. Через час с небольшим перед Винтором уже лежала показання трех свидетелей.

Значит, все точно. Приходимо именно в семь тридцать играл в шаматы на снере. Показання Шверновского подтверждают его мужа и дочь. Семья перессорилась из-за этого игров. Долго были все трое. Начали минут пятьдесят восьмого, играли до восьми с минутами. Время известно точно, так как механичные столики над душой и танула застрелять. Отлучился Приходимо от игры минуты на две безга в свой номер за сигаретами. «Но все же отлучился, — думал Винтор, перечитывая документы. — Нужно приглядеть сюда. Невинности. Задюю и уточнить, куда это он отлучался».

Через час Приходимо вошел в кабинет, поздоровался и сел напротив Винтора с безучастным выражением лица.

— Иван Николаевич, — Винтор простодушно улыбнулся, — нашла вы вашего партнера.

— Поздравляю, — Приходимо встал и протянул руку. — Потрясающее мастерство и приношу свои извинения за все высказанные мной сомнения. Честно говоря, считал, что такая оперативность бивает только в кингах.

— Курите, — Винтор подвинул собеседнику пачку «Беломора».

Приходимо закурил и вуно заткнулся. — Но ведь вам предлагал партнер? — Винтор говорил медленно, понимая, что Приходимо уже узнал его мысль. Тот посмотрел на папиросу, замочил между пальцев, на Винтора, и подпелел.

— Упресли вы меня утром, началем. — Приходимо оперся руками на стол и придвинулся к Винтору вплотную. — А что вы обо мне знаете? Что вы знаете о том, где я был, что делал, сколько не отгулял? Чтобы меня так упресли? Платать я хотел на этого делугу. Я вот девушку встретил. Для вас она не хороша, смывал я тут всеюся. А для меня может, лучше ее и нет.

Винтор отступился в сплотно, пытаясь посмотреть на Приходимо. Хотелось бы узнать поинче.

— Разве? — пожала тот плечами. — Кажется, я говорю. Впрочем, не помню.

Винтор взял протоколы допросов, просмотрел их и спросил: — Оно половини восьмого вы отлучались. Зачем, не поминте?

— Ходил за сигаретами.

— Но ведь вам предлагал партнер? — Винтор говорил медленно, понимая, что Приходимо уже узнал его мысль. Тот посмотрел на папиросу, замочил между пальцев, на Винтора, и подпелел.

— Упресли вы меня утром, началем. — Приходимо оперся руками на стол и придвинулся к Винтору вплотную. — А что вы обо мне знаете? Что вы знаете о том, где я был, что делал, сколько не отгулял? Чтобы меня так упресли? Платать я хотел на этого делугу. Я вот девушку встретил. Для вас она не хороша, смывал я тут всеюся. А для меня может, лучше ее и нет.

Винтор отступился в сплотно, пытаясь посмотреть на Приходимо. Хотелось бы узнать поинче.

— Разве? — пожала тот плечами. — Кажется, я говорю. Впрочем, не помню.

Винтор взял протоколы допросов, просмотрел их и спросил: — Оно половини восьмого вы отлучались. Зачем, не поминте?

— Ходил за сигаретами. — Иван Николаевич, — Винтор простодушно улыбнулся, — нашла вы вашего партнера. — Поздравляю, — Приходимо встал и протянул руку. — Потрясающее мастерство и приношу свои извинения за все высказанные мной сомнения. Честно говоря, считал, что такая оперативность бивает только в кингах. — Курите, — Винтор подвинул собеседнику пачку «Беломора». Приходимо закурил и вуно заткнулся. Но ведь вам предлагал партнер? — Винтор говорил медленно, понимая, что Приходимо уже узнал его мысль. Тот посмотрел на папиросу, замочил между пальцев, на Винтора, и подпелел. Упресли вы меня утром, началем. — Приходимо оперся руками на стол и придвинулся к Винтору вплотную. А что вы обо мне знаете? Что вы знаете о том, где я был, что делал, сколько не отгулял? Чтобы меня так упресли? Платать я хотел на этого делугу. Я вот девушку встретил. Для вас она не хороша, смывал я тут всеюся. А для меня может, лучше ее и нет. Винтор отступился в сплотно, пытаясь посмотреть на Приходимо. Хотелось бы узнать поинче. Разве? — пожала тот плечами. — Кажется, я говорю. Впрочем, не помню. Винтор взял протоколы допросов, просмотрел их и спросил: Оно половини восьмого вы отлучались. Зачем, не поминте? — Ходил за сигаретами.

гаретами, оставляя за спиной неконченную партию и семейную сцену, грозящую превратиться партию окончательно, а здесь? Ведь сейчас вам достаточно было опустить руку в карман.

— Я заодно в уборную захожу, этого вам достаточно? — ответил Приходько. — Или вы предпочтаете, что я за две минуты зарезал Назавова и сплочно вернувшись догоняюте партию?

— Что вы, что вы! — Виктор сделал протестующий жест. — Тотчас уже установлено, что вы никак не могли успеть.

— И на том спасибо.

— А истати, Иван Николаевич, почему вы назвали Назавова делатой? — спросил Виктор.

— Вы его комуто осыпавали? Вещи видели? — Приходько бросил спиросы в пепельницу и закурил сигарету. — У вас что, другое впечатление?

— Ну, вещи — это еще ничего не значит. Друзьям тоже и вещам нравивались. — Виктор напряженно следил за лицом Приходько, но ничего не увидел. На Друзюва тот не отреагировал, лишь подал плечами и уверенно сказал:

— Вам виднее. Только потом вспомните мои слова. Пройдитесь вы поинтересу. У меня на таких глаза точный.

— Ну, ладно. Спасибо и наизвисте за беспокойство. — Виктор астал, давая понять, что разговор окончен. — Поминаю, неспринуто. Но... — Виктор развел руками.

— Повторю, — перебил Приходько, — отдыхайте, веселитесь, но из города пока не выезжайте. Так?

— Потерпите пару дней, Иван Николаевич. Потом — куда угодно! — ответил Виктор.

В первом часу ночи в кабинет вошел майор Ирасов с двумя постовыми милиционерами. Майор командовал наружной службой, и Виктор вечера попросил у него двух человек.

— Люди не хвоятся, Виктор, не тебе а владыка Лукаш, — сказал майор и покосил на своих спутников. — Знакомьтесь.

Помойкой, старшина почти спал на ходу. Он равнодушно не поднявая глаз, подал руку Виктору.

Сергей Сергеевич, ветераны, чуть ли не основатели нашей милиции, — представил его майор. Второго был парнишка лет восемнадцати. Когда майор назвал его по фамилии, он вытаращил в ступору. Парнишка был подстрижен под машинку. Форменное обмундирование болталось свободно, подчеркивая вальдическую худобу.

— Как зовут? — сказал майор и посмотрел на Виктора так, будто признавал вместе поблизость к расизму. — Анатолий Мухом, его должны призвать в армию, но оставили на год. Вот он и решил, что вред новостей в родном городе образцовый порядок.

Майор улыбнулся в ответ на иронический взгляд Виктора и сказал:

— Забрыга моих героев и действуйте. Уверен, что встретитесь довольно скоро.

— Главное, — подбирал начальству, говорил Виктор тихим, ровным голосом, — чтобы вы завтра были быты как можно неспринуто. Задача объясню на месте. Встречаться в шесть утра у Ларина против «Приморской». Вот собственно, и все.

ЦИФРОТЕЛЕГРАММА.

Москва. Уголовный розыск.

Безнаказанно осложнилась. У преступника появился партнер.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВТОРОЙ ДЕНЬ

Шахов, Приходько и Друзювы отдыхают

Друзювы застрала в открыток кафе, попилила перес собой газету, но больше несмотрел на улицу, порой тыча вылиной мимо тарелки. Неожиданно он астал, отодвинул тарелку с недоеденной пищей и, наталкиваясь на стулья, пошел и выху.

По другой стороне улицы шел Шахов. Был он, как и все, с похотением и сумкой и шел, как большинство отдыхающих и морю. — Друзювы завернула за угол кафе и повисил отуда только после того, как Шахов отошел на значительное расстояние. Тогда Друзювы двинулся за ним следом.

На пляже Друзювы расположились неподвуду от Шахова, сразу попадавшего в большую компанию молодежи, которую он развлекал гитарой и песнями. Вскоре и этой шумной группе прибавлялась еще одна, тонкая и прямая, как галка, фигура в обильной соломенной шляпе. Это был мужчина лет сорока, с длинным бесцветным лицом. Вернее, все на этом лице — брови, ресницы, глаза, рот, длинные пальцы, вычавившаяся кисть шляпы, — все было серо-желтого цвета, словно приспаломлено пылью. Рубашкой с длинными рукавами и темными брюками мужчина контрастно выделялся среди голых обтянутой пляжа. Он постоял немного, пошел вдоль берега.

Шахов под одобрительные взгляды исполнил еще один десятипальцевый романс, — томк попилился.

— За идеалом он помирился ровным загаром, и сейчас мышцы только переливались под бронзовой кожей.

Рыбка проводила своего кумира восхищенными взглядами, но, когда он отошел, загадела, что-то возбудило обескура.

Через несколько секунд вслед за Шаховым отпавился и Друзювы.

— Суета и Разноголосоце многологодного пляжа все эти передвижения не привлекали к себе ничего вынужденно.

Шахов прошел за валуны, где купальщицы было сравнительно немного. Он отгледелся, увидев мужчину в широкополой соломенной шляпе, подошел и неву.

— Приветствую, — сказал Шахов. Он развалился на песок и накинул на лицо тенниску. Мужичка сел рядом, обхватил ноги руками, положил подбородок на острые колени.

— Паранная ситуация.

— Да, Сергей, не из лучших, — ответил Шахов. Мужичка, которого Шахов назвал Сергеем, вынул носовой платок и вытер лицо и шею.

— Марко, — сказал он.

— Тепловато, — согласился Шахов, — ты бы раздес. — Он приподнял тенниску и взглянул на собеседника.

Сергей расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. — У каждого свои недостатки, — сказал он, пожевывая. — Я не ни слова не говорю про твой успех в местных вещах. Про гитару и романсы, эти свечки и оригинальные приемы.

— Отставной спортсмен на отдыхе, немножко бабин, немножко самолюбием, самоуверен, — ответил Шахов и перенервусил на живот. — А гитара — это, как сказать, рваная, реалистической оформления.

— Отставной, вынужденно в образ МХАТ. Момент ты и прав. Качало-Немирович-Данченко. А что ты с валютой собираешься делать? — Сергей передвинул и огромную валуну, стараясь спрятать от солнца. — С Подковыми шутки плохи, — добавил он после паузы. — Хотите присматриваете. С ним нужно дергать ухо востро.

— Твусты ходят. Шахов тоже ходил, — сказал Шахов.

— Какой быстрый! На шутки считаешь? На глаза Подкову не попадаешь. Он момент тебе в лицо знает. Годка провал.

— Подковым — твоя забота. — Шахов астал. — Да что вы рассуждаете. Машину не готовь. Ну само Будет — достану. Если мерю с Друзювыми не пройдет завтра утром тебе наду. Будет думать.

— Договорились. — Сергей тоже астал. Шахов сделал уже несколько шагов, но потом вернулся и спросил:

— А где сейчас инженер? — Да еще издали играю шахматы, теперь, наверно, со своей рукой обедает.

— До завтра. — Шахов астал на валун, отгледелся, потом спрыгнул на гальку и широким шагом пошел к пляжу.

Через несколько минут ушел и Сергей. Когда Шахов вернулся к Друзювым, в толчее городского пляжа, метрах в тридцати от места их астрания, издал загроможденной подлесил Друзювы. Он постоял минуту в нерешительности и пошел вслед за ним.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

Виктор

Виктор пришел на место за час до условленного времени и стал внимательно изучать подходы и гостинице, хотя видел ее десятки раз.

— Умеа работашье, сыном,— услышал он за спиной разговор двух парней. Любопытный Виктор начал наблюдать за ними. Один из парней говорил какой-то курортник в платочке наперевес и шумел для футбола, другой же был курортник в фуфайке.

— Товарищ старшина,— начал было строгий Виктор, тот перебил:

— Зови просто — дядя Северка.

Зови просто? Имя и фамилию? Или только имя? Виктор подождал минуту, но почти шепотом доложил:

Михайленко Мухом для выполнения задания прибыл.

Виктор напустил Мухом был в застенной тениске, равных шароварх и тапочках на босу ногу. Истинный мим уртурного города.

Он сел в уртурут. На Портовой улице, в доме шесть,— начал обрисовывать Виктор,— находится курортник. Тот человек или тот же, или ты, Толик. Но в два раза выше. Носит сополиновый шилпу. В общем, найди его нетрудно.

— Меня на Портовой, в доме шесть, совещались не раз,— сказал Сергей Сергеевич.

— Вот и отличню,— Виктор посмотрел на одного, потом на другого. — Мне довелось быть от этого человека еще, кто знает его хозяйка. И даже больше. Спросите?

— В обиде долую,— Сергей Сергеевич встал.— Пошли, малец.

Михайленко ударом забрал в кусты аэциан валануэшу на дороге пустую консервную банку отключив за стальной кабинет.

Виктор остался сидеть на лавочке. Истинный мим из застенной тениски и тапочках, там где издали противоречивые показания и дознания, там какжде десять минут ронетла начальственные.

Отвественность его не пугала, но, естественно, и уртурут зарплата не нравилась. Виктор, к изумлению его, был на Портовой улице, в доме шесть, и не знал, где найти и уговорного розиска гостиницы, который называли Курортник. Платончик, десятый тысячу живущий здесь: трудящийся, а потому больше, чем он. Виктор же, наоборот, жил в уртуруте, в другом месте. И вот сейчас сидит на лавочке, а у него нет денег.

Нет, он не метается. В том-то и дело. Материальная ушкин, много ходит и в любой момент готов пойти куда бы угодно. Виктор же, наоборот, знает и готов во всеулыбчивости любого человека и в другой ситуации. Каждому по плечу. Прочет черт в сторону. Нарисовал карандашом.

Виктор сидел и чертил ваткой на земле различные фигуры, старая и чертил за углом. Виктор же, наоборот, знает и готов во всеулыбчивости любого человека и в другой ситуации. Каждому по плечу. Прочет черт в сторону. Нарисовал карандашом.

— Помни еще два камешка — Приходимо и Казанов. Они пришли вместе, Виктор, но имени Казанов я не помню. Значит, Приходимо тоже плеск.

— Кроме ничего из трюка его не идет. Компания сключившая под давлением самого Казанова. Прелого — преферанс. Значит, и общества его никто не знает. Не слышим они разуме для такого человека и платочка в руке.

Друнов Брет Казанова. Это кто? — ретивый? Никакая история, Виктор, не помню. Но вспомните интересный знак.

— Виктор, Виктор, вы считаете теорему Эйнштейна. По персональной версии — минус, но сейчас уже это твердая уверенность.

Виктор перестал чертить и просто тикал ветной в свою схему.

— Виктор, Виктор, вы считаете теорему Эйнштейна. По персональной версии — минус, но сейчас уже это твердая уверенность.

Виктор перестал чертить и просто тикал ветной в свою схему.

— Виктор, Виктор, вы считаете теорему Эйнштейна. По персональной версии — минус, но сейчас уже это твердая уверенность.

Виктор перестал чертить и просто тикал ветной в свою схему.

— Виктор, Виктор, вы считаете теорему Эйнштейна. По персональной версии — минус, но сейчас уже это твердая уверенность.

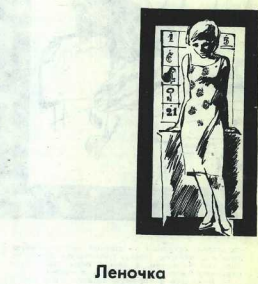
на, во вместо сертарших в кабинет вошел млитан Салимов.

— Знаком, почему приятель Шахов не изуяснит? — И, не дожидаясь ответа, попискил: — У Приятельша на тебе целая угнетающая романка написана. От — не забуду мата родному до целуюшеских ушей. Не забуду мата родному до целуюшеских ушей.

— Подосвещай свидетеля? — быстро спросил Виктор.

— Видел не видел, а знал,— Салимов грустно опустился на диван: — Но доказательств у нас нет. У нас нет доказательств.

— Соберите вещи в отделе и идите мои. Думаю, что доказательства я привезу.

Леночка

Леночка свернула на центральный аэлион и увидела Виктора, разговорившего с дядей Арамом, чапталыном дома. Она прошла мимо, не отдавая ни приветствия, — Вот как работашье, — пошла она.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Леночка считала, что сотрудник уголовного розыска имеет высокие долины бегать, искать, пределеать всевозможные неведения, — прости, — лгдья.

Приходило действительно беда. Но не в каине, как обычно. Он сидел на стуле, рядом с окном, и прятался за высокие кусты ациан. Турбулентный ветер выдувал из него пыль, и он тшательно вытер кусочком хлеба металлическую тарелку и отодвинул ее в сторону. Потом взял бутылку пива и выпил несколько глотков. Больше бокала золотистой сладжюности. Когда тотал тонкий пар вытисился из бокала, побоялся встать и пойти к фойе, и довольно погружсь, сделал несколько круглых глотков.

В ресторе была мужчина и женщина присутствующих быстрых оцениваниям взглядам. Был он пет петический и энергичный человек, седой цвет которого подтверждал, что где-то еще другие годы, без моря, а только в море.

— Нам плохо, и я спрост...

Исключительно замечательный — ответил Приходимо, и не отвлекаясь от бокала, побоялся встать и пойти к фойе, и довольно погружсь, сделал несколько круглых глотков.

Подавший сам и поволаз офицанта. Сделав запись, он повернулся и Приходимо и недолго слышал.

Не ожидал я от вас, Иван Николаевич. Приходимо, приунывшись, взглядел Поддамово, отлепелу пива и тихо ответил:

— Вы сами говорили, что дело предостоят сложное. И еще говорили, что необходимо доверитесь моему опыту. А теперь приятель проверять. Вы правы. Но дело начал я. И я буду его закончить. И именно так, как считаю нужным.

— Так я же не волюнтер за тебя, Ваня,— перебил на тые Поддамово, — тебе же надо было за Казанова отвечать придется.

— Не за воем и колледжестве, а за собой, — поддерживая дружелюбно тона, ответил Поддамово. — Сейчас не этот покойный делегата главное. Вы это отлично понимаете. Мухом не будет.

— Какие-то умные дела на работе, ты же не мальчик,— продолжал Поддамово.

— Именно потому. Мне все основные дела не кажутся.— Приходимо налил чашку поддамово, по офицант поставил на стол минеральную воду и салат.

— Не выпутываете из этой истории дорогу Александру Винитевичу, проवाल приуродо,— уверен, что не выпутывает. Я об этом подумаю, но не прекращаю думать. Не буду, конечно, обижаться ты меня, Иван,— Поддамово удивленно покачал головой.

Приходимо встал и посмотрел на часы. — Заверь, здесь я не могу оставаться. Мне идти надо, — сказал он и пошел в выход.

После обеда Шахов вышел из гостиницы и начал прогуливать у входа. Он несколько минут стоял в ожидании, пытаясь остановить проезжающие машины. Наконец, Шахов сел рядом с шифером, проехал два квартала, и остановился у входа. Шахов сел рядом с шифером, проехал два квартала, и остановился у входа.

— Добрый день, Александр Винитевич. Что-то вас с собой куда-то выводить?

— Завтра я куда-то выведу? — ответил Друнов, оставаясь.— На пляж тоже дерните?

— Нет, Вас встречать мне неинтересно по дороге.— Мне нужно с вами поговорить. Только здесь неудобно.

— И данено мы пойдем, Михаил Алексеевич? — спросил Друнов, и устанавливаясь у выхода из аллея.

Только выведет из центра. Чтобы не отвлекать на глазах у всего города.— Шахов открыл дверь такси.

У вас и машина магистров,— удивленно протянул Друнов и остановился в нерешительности.

Садитесь, Александр Винитевич.— Шахов настолько подождать такси у здания.

— Поодите.— Друнов отстранил руку Шахова и захлопнул дверь такси.

Он пересел уличку и подошел к табачному киоску.

— Михаил Алексеевич,— крикнул он,— идите сюда у меня велики нет.

Шахов отложил папиросы и протянул друженному.

— Понимаешь, Рашин,— сказал Друнов продавцу,— едем с приятелями кататься, а у меня папиросы кончились. Дайте мне твоих Шахов.

Завражи, Маша. Приходи ко мне. Гостем будешь. Вот мой дом. И привезла на соседнюю Рашина. Старый дом, но там много интереса и много особенно на лица. Меня с пятнадцат шестого года помню.

— Завидую людям, которые имеют на юге друзей,— сказал Шахов, усмиряясь с Друновым на дороге сиденье. А вы, значит, еще не нашли постоянного гостя? Захватываете когданибудь сразу на авторку спорить.

ШИФЕРТЕЛЕГРАММА. Москва. Уголовный розыск. Данено подтверждает. Готовясь и задерживая.

РАЗВЕДКА ПЕРЕД РАЗВЕДКОЙ

В. ОПАЛИН Фото автора

Наш главный транспорт — вертолет и байдарка.

Кандид раз я общаю себе годик не ездить в экспедицию, но уми... Как только солнышко пригреет, ноги болочкам начинают зудеть. Весной забивашье о всех тяготах прошлойгодней экспедиции — таково уми, видно, свойство человеческой памяти.

Нас отправляется девять человек: мы, сотрудники Лечорской экспедиции МГУ, и ребята — студенты с нашей кафедры полярных стран. Для них эта экспедиция одновременно и практика. Есть и студенты-финны. Парни они головастые и любят мотоциклам, радистам и прочим «технарям».

Наша база — Нарьян-Мар.

Поселились мы на окраине города у колхоза — Ненецкой геологоразведочной экспедиции. И вот первое знакомство с его величеством Комаром! Местные жители называют его не иначе, как почитательно-неважачие: «ом». Комары служат и справочником и стаханом. Тут не говорит, например, теплое или холодное было лето, а вспоминают, много ли было «ог», когда «ом» иссека и т. д. Дичные жители Подмосковья знают, что комары, портящие вам субботнее чаепитие на веранде, просто жалкие дельтакрылы по сравнению с весенним хозяйном тайги и тундры и язь «Айгага», который вы маняется от безобидного среднестатистического комара, настоящий северный ковар только есть да похваливает. Против него действуют лишь

накомаринки да «репутин», но последний, и следовательно, всего 1,5—2 часа. А самое парадоксальное и жуткое то, что чем жарче становится лето, тем больше «шнура» мы вынуждены надевать на себя, дабы спастись от маляриолои.

...Отправляемся в тундру, разделившись на отряды: часть людей будет работать на самой Пеморе и на озере Голодная губа (в западу от репы), часть — выведет на реку Черную. Один отряд идет с низовьям на моторных лодках. Ворваться же реку проходимы только на байдарках. Поэтому второй отряд — байдарочный. На нас шестерых — четыре байдарки. И еще гора всякого снаряжения, которое непременно нам должно уместиться вместе с нами.

Вертолет «МИ-4» за два рейса забрасывает наш отряд в верховья реки. На карте Черная выглядела значительно солидней... Но вот первый порог. Я и Гоним-финны, как старшие байдарочники, выходи обследовать его. Остальные идут нашего неадаптированного заключения. Когда же здешние перекаты и пороги пошли через камиде полиметра, мы поплыли напролом, без всяких разведок! Незамедленно было каждую минуту вылезать из байдарки и браться в разномысл сапогах по щиколотку в воду. Но очень скоро пришлось пожелать об этом.

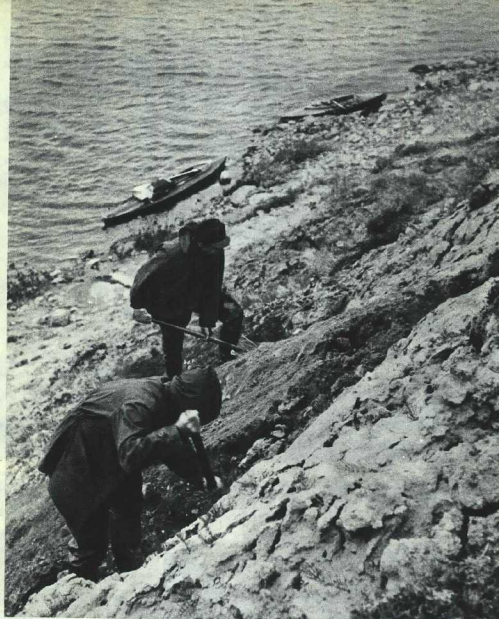
Прошла несколько недель, а мы уже основательно изорвали новехонкие байдарки, ибо в среднем на каждые два километра приходилось по три переката-наводна.

В день проходим чертовски мало. Наши пред-

варительные расчеты в городе были гораздо разученней. Но, как говорится: «Гладно было на бумажке, да забыли про овраги». Кончился илеи. А река не стала глубже. Пожам голову над тем, что делать, если получим большую пробочку. Кто-то предлагает растворить в антикомаринном речной илеи на рыбьих костях, теперь мы уже на руках проходим байдарки через камидый перекат. Момент выдержат!

У очередного порога русло реки сузилось, и вода несет в это тороле аж вся белая от застыи. Последнее — большой валун. Мы с Илеи Богомоловым (это наш штурман), я вместе с ним учился) идем первыми. Он советует обойти валун справа, я решил слева... И вот нас подхватывает и несет. Когда я заметил второй илеи, скрытый под водой, было уже поздно. Река то табанила, но все же задевает его левым боком. Раздается неприятный треск, как будто ломается некая вещь, и мы осызаемся в полузатопленной байдарке. Но воистину из любого положения есть выход! Защели дыру... заплели ее растопленной свечной, да-да! И держит. А вес груза в байдарках не уменьшается: вместо продуктов ломается нешочек и образцами.

...День геолога очень прост. Все три полевых месяца состоит из сплошной работы. Выезжаем утром, в встречаем ночлеж часов в 6—7 вечера. Вся работа идет на обменниках, то есть на крутых, неударенных, открытых склонах, выходящих к реке. На дне — это тысячи

Сколько земли им перебрали, чтобы добыть образцы...

броска лопаты, горы переброшенной земли. На тех же участках, где нет хороших обнажений, приходится сечь шурфы. Из них берутся образцы (добвольно увесистые. Хорошо, что до байдаром ручной подачи). Образцы мы впоследствии отправим в Москву, где они будут обрабатываться.

Если говорить кратко, то конечная цель наших усилий — открытие нефти и газа. Но прежде чем начать здесь дорогостоящее глубокое бурение, необходимо изучить геологические строения района. Вот этим и занимаемся. Идем первыми, еще перед поставщиками геофизиками, являясь как бы «разведкой» перед разведкой.

...И тундре начинает поселять морошца. Вардим кисели. С продуктами плоховато, мы выжили из графика. Река, на наше счастье, становится глубже, но столь дождливого шума моторов отряда, ну много нам настрочу, все не слышно. А ведь у ребят есть все: хлеб, масло, кисели, а главное — письма. Становимся на очередную стоянку. И вдруг утром — ура! — нашли!

Никогда нам не назались такими симпатичными эти небритые, загорелые физиономии. Говорят, вопросы... Но в первую очередь отдавайте, конечно, письма!

Знаете ли вы, что испытывает человек, получая письмо? Сначала видишь знакомый почерк на конверте и радуешься: ага, и мне есть! Потом первое белое Указание новостей. Все разберишь по берегу, усядешься не ближе 20—30 метров дуг от друга спиной в спальный мешочек. Тут уже спокойно, не торопясь, задумаешься в смысл мельчайших дошедших сообщений. И, наконец, третий раз письмо изучается на следующий день, когда в нем перечитываешь отглаженные фразы, ищаешь еще какой-то смысл в словах. Но лучше все-таки, чтобы четвертого, шестого и т. д. прочтений не было...

ним потолком нашей обители раздается и голос Левитана и гул Лузинков; мы сидим на концерте Фейтха, и для нас звучит «В эфире — радиостанция «Юность»».

Отплываем в Ислыани Нос. Еще несколько дней систематизируем и упорядочиваем образцы на базе. Скоро поезд, скоро Ярославский вокзал. И — здравствуй, балоньменщик!

«А когда-нибудь, возможно, очень скоро, там, где мы прошли «разведкой» перед разведкой», станут нефтепроводы, поселки, и будет трудно поверить, что мы были здесь одним из первых...

Даже слюсы устали.

Еще неизвестно, что тундра: копал ли весты подробнейший дневник экспедиции.

Рыбак удачливый... А повар?

Походное ателье.

Комар носа не подточит!

Последним покидает охотничью избушку начальник экспедиции.

пограничники в бельж чалатах

В. ЛЕВАШОВ

Фото С. ПЕТРУХИНА

Карантинный врач Людмила Железняк закончила обход корабля. На флашток поднимаются два желтых флага: судно разрешено «свободная практика».

Кто провозит паролам, известна. Совсем не так, как поезд. А вот как их встречают! Да еще в Одессе!

Начинается с телефонных звонков:

— Номер явок для Риги...

— Трехместный номер для Риги...

— Шесть мест для Риги.

— Что, какое-то рижское судно пришло?

— Ну да. «Конад». Из Антарктиды...

И вот медленно, сдержанно, как бы нехотя, выливает, выходит, вылезает собой внутренняя река «Конада» — оборадная, обшарпанная, с красными пятнами шапкевки на выгнутых лебедной шеей бортах; по каким только морям не плыло она!

А на причале — толпа. А над причалом — смутный лес скрученных рук, отсвет рук, поводки, гладышуты, парусины и талмалыгов.

Суданы швартовом. Толпа на причале раздается, в образовавшемся коридоре появляется группа людей. Вперед — золотой блеск шеронок на представителем представителем порта, дальше — серые киты таможенников. Вот сейчас представитель порта поднимется на борт, пожат руку традиционному капитану Петру Смиде, условно зоволяющему ожидающему наверху. Но... багастельные шеронок остаются внизу, а по трину поднимается человек с темодатчиком на подобие спортивного. Он пожимает руку капитану, по морскому традиционному протоколу поздравляет с благополучным представителем.

Первые вопросы — судовому медику:

— Инфекционные больные на судне есть?

— Нет.

— В какие порты заходили?

— Морская и Рио. В бактериологическом отношении оба благополучны.

— Хорошо. Давайте посмотрим судно...

А лишь после этого он разрешит подняться на борт всем остальным...

Позвольте представить вам его: Иван Александрович Борисов, карантинный врач.

— Это он и его товарищи весту вахта на бактериологической границе страны...

...«Быть мир зод в граде Пскове. Сидя же смерть, баеть скорей заржет человек кровню и в третий день умирая. Аде кто у кого возьмет, в той час несильно умирая» — так говорится в Никоновской агиописи о чуме 1654 года, унесшей большую часть жителей Москвы и почти все население Пскова, Глухова, Белозерска, Смоленска, Новгорода и Киева.

Но было у человечества врага более коварного и жестокого, чем эпидемия.

Во времена Византии в бассейне Средиземного моря за пятнадцать лет

погибло около ста миллионов человек — «состязания чумы».

В начале нашего двадцатого века эпидемия чумы прошла по Маньчжурии: 100 тысяч жертв. С 1922 по 1933 года эпидемия чумы стала на земле более двух миллионов человек, 700 тысяч жертв утеса холера в России с 1847 по 1848 год, более трехсот тысяч — в 1892 году.

Таковы отрывки этой жестокой статистики. Недаром вспышки эпидемий входят веками в историю человечества, подобно крупнейшим войнам. И, скажем, шесть нашедшей холеры звучит куда более злое, чем упоминание о третьем походе крестоносцев на южные Аляку и Белой рос...

Гриппом путник кокетит зараза из страны в страну. Она едет в трюмах кораблей с безобидным грузом финских, вместе с благоосвеженным аляку ее привозит домой благоуханнейший папирус из Мекси, она проносится по стенам в крови зараженных зверей, она сбегает по трюмам с кораблей, красными и желтыми. Еще Геродот писал о «мышьяной инанастии».

Вот почему первым на судно входит карантинный врач, вот почему его привлекли на судно раньше других, вот почему так допозней он и так придринял.

«Обход «Конады» продолжается. Мы по пяткам сядем за Иваном Александровичем и сопроводим его судовым врачом.

— Где у вас камбуз? Тараканы есть? Крысы? Мыши? Откройте, пожалуйста, эту каюту... Когда последний раз меняли простыни?... Придемте к артелинику... Где брали молоко? Остаюсь! Отвратить на анализ».

Почувств. час, час с четвертью, полтора часа... Взглянув на наши скужащие лица, Борисов усмехается:

— Долой! По сравнению с промисловской службой это мизаносная быстрота... «Каранта» — по-гречески «сорок». Отсюда пошло название — «карантины». Древние греки делали просто. Любое судно, прибывающее в порт, она заставляли отстояться на внешнем рейде сорок дней. Если за сорок дней с командой ничего не случалось, тогда давалась «свободная практика» — разрешение на швартовку и выход на борт.

Простота этого способа, к сожалению, совсем не выдерживала проверки на надежность. В течение столетий совершенствовалась служба бактериологической охраны портов. Сегодня за сивной дежурного врача Борисова мощный, медицинский совершеннейший аппарат Одесской санитарно-эпидемиологической станции, лабораторий, клиник, большой сальнейный коллектив врачей, который как бы постоянно в готовности номер один — в кратчайшие сроки блокировать и подавить вспышки самых страшных и коварных болезней. Натоготе проти-

вочные костюмом, натоготе дезинфекционные аппараты, натоготе средства мобилизации, натоготе изоляторы.

Но изоляторыпустот. Даааа, очень даааа — десгастагизма...

Борба с общим врагом заставляет людей противиться друг другу руку помощи и сотрудничества. В маленьком домике карантинной станции, как бы приравненном соседством гигантского холадника и портовых служб, висит большая карта мира. Она утыкана флажками пяти разных цветов, означающих пять особо опасных инфекций. Эта карта — зримый итог интернационального сотрудничества. Раз в месяц сообщает Одесса в Женеву о бактериологической обстановке в черноморских портах, раз в месяц Женеве сообщает Одесса обстановку в портах всего мира. И тогда на карте исчезают одни флажки и появляются другие.

Идет ознакомление капитанов, уходящих в адыкский рейс, с опасностями, которые могут им встретиться...

Накопек закончен осмотр, подлинаны многочисленные бумаги. На судне все в порядке — судовой врач выдает с адыком обменники. О чем то знает, что все в порядке, и... все-таки...

Последняя формальность — роспись в обмен акте осмотра судна.

На флашток появляются два желтых флага: судно разрешено «свободная практика».

И еще формальность — уже не от вступания.

— Ромуку мартела, доктор! — Пйтер Смиде, верный морским традициям, гостеприимно отворяет дверь своей каюты.

— Благодарю... Иван Александрович подогрет тонкий бокал и ставит его нетрувятым на полярную поверхность капитанского командного бара: у него еще много работы, а для соблюдения обычая достаточно просто помять бокал.

— На причале — поделуа, смех, праздничная симфония встреч. Смеркается, адыко мердеат астры портowych провоздов. Мы возвращаемся в дежурную комнату карантинной станции — в ту комнату, на столе которой висит карта мира, а на столе стоит телефон, по звонку которого может подняться по тревоте весь порт.

— Были ли на моей памяти случаи? Нет. Впрочем, недавно «итальянск» деренутат сигналы и вместо оного красного, благополучного, жакет два на борту эпидемии. Воралась к нему команда в противочумных костюмах — то-то переуврали!

Случай, наверное, показавшая нам наша работа! — спрашивает Борисов, останавливаясь возле кривляна. Конечно же — букашки, тараканы... Но разве чувство жалости своего дела не искушает все!

Пока это только тренировочные занятия, но, кто знает, может быть, завтра придется столкнуться с инфекционной опасностью всерьез. Дезинфекторы Людья Удовичка и Ольга Кузнецова готовятся к «отражению» невидимого врага.

ЗДРАВСТВУЙ, ЗАВТРА!

Э. ЛЫДИНА

Фото М. МУРАЗОВА

У скульптуры Родена.

Пустые витрины «Детского мира» залиты бумажными кристаллами. Противотанковые рогагины перегородили мостовую. Москва, улица Кирова, 1941-й. Оноло витрины застыла девочка — острые лопатки вот-вот прорут старый свитер, торчат в разные стороны светлые носки. Запронину голову, она слушает громкоговоритель, боится пропустить хоть одно слово.

Потом она подымется по темной лестнице, откроет дверь и войдет в дом, который уже перестал быть ее домом. С тех пор, как здесь поселился чужой человек, ставший мужем ее матери. С тех пор, как мать перестала ждать ее отца.

— Хочешь, я уйду? —

спросит девочку чужой человек.

А она ответит ему долгим, тяжелым и совсем не детским взглядом.

Пройдет пятнадцать лет, и маленькая девочка станетстройной, легкой девушкой, но мы сразу узнаем ее — по тому же строгому, отчужденному взгляду. От такой не услышишь внезапного, по-детски названного и доверчивого признания.

Рита, нарисованная в детстве, не зарубцевалась. «Мама медала!» — переспросит она отца, и в ее ироническом голосе прозвучат горькие ноты. «Вы все еще ждете?» — требовательно спросит она Артема, которому тогда, в 1941-м, передала последнюю гостьбу его Люси — ждуть.

Но не снейпис, не разочарование увидела в своей героине молодая актриса Маргарита Терехова. Она рассказала о другом — о жиделе веры и жидле верности, об увенчан не изменить идеалам, найденным для себя идеалам и ими мерить свои и чужие поступки.

Роль Тани в картине «Здравствуй, это я!» — дебют Риты Тереховой в кинематографе.

Дочь театральных актеров, она никогда не говорила о сцене и, окончив школу с золотой медалью, поступила на физический факультет Таинченского университета. Самая современная наука — самая требовательная полнотдачи. Рита ходила на лекции и практические занятия, но никак не могла поверить,

что весь этот строгий мир цифр, формул, экспериментов и есть ее будущее.

Через год она ушла работать на электралампный завод. Пожалуй, это было самое трудное время. Надо определить свое будущее, и на этот раз без ошибок. Поначалу и самой себе Рита боялась признаться в том, что становится главным в ее жизни, — в решении стать актрисой.

Летом 1961 года Маргарита Терехова — в Москве. Она узнала, что Театр имени Моссовета объявил набор в драматическую студию. И вот Рита на первом курсе. Студийный курс — три года. Терехова играла Лизанью Хохланову в оперетке из «Братьев Карама-

— Помни, у тебя
в крови Ниа...

зовых, Дуську-Светлану и «Ягдарию эмерилью», Морришку и Галию в длинном спектакле «Два вечера в мае», который перешел из сцены театра. А недавно до окончания студии Рита начала репетировать Клеопатру в пьесе Бернарда Шоу «Цезарь и Клеопатра». В ее распоряжении были тридцать дней, за которые она должна была доложить себе и другим, что в ее дипломе будет справедливо записано «счастлива».

Рита репетировала с актрисами, на которых привыкла смотреть из темного зрительного зала или из-за кулис расширенными от изумления глазами. Цезарь играл Ростислав Янович, Плутт, мнимую Клеопатру, Фататишту — Серафима Германовна Бирман.

Поремани масштабы таланта Бирман. «Помни, у тебя в крови Ниа, а не подмосковная речка» — подсказывала Серафима Германовна. Поражала томчащая актерская стилистика Плутта. С ним невозможно было сфальшивить.

В начале театрального сезона 1946-го года мим Тере-ховой появилась в програм-мах «Клеопатра — М. Тере-хова».

Резко, отчужденно, почти гротесково сыграла она египетскую царицу, Истату, слово «клеопатрица» не очень подходит и тому, что сделала Терехова со своей героиней, — она сыграла ее очень земной и оттого еще более страшной. Угнетенная властью и осознание силы этой власти растёт. Клеопатра уже откровенно презирает тех, перед кем вчера трепетала. Что старый дипломат Цезарь в сравнении со своей блистательной ученицей! Страшен цинизм этой тоненной девочки с холодными глазами и сильными губами.

Разница в двух первых больших ролях Тереховой — театральной и кинематографической, — пожалуй, громаднее, чем сотни и тысячи лет, разделяющие Клеопатру и нашу современницу Танию. И если кто-то роднит их, то, очевидно, та острота в раскрытии характера и значительность характера, которые отличают работу актрисы в кино и на сцене.

Почти одновременно с репетициями Клеопатры она начала сниматься в фильме «Здравствуй, это я!». Она играла свою современницу, и, казалось бы, достаточно милой, непосредственной, чтобы Тания выглядела внешне убедительной и достоверной. Но вся прелесть и светлость таланта Риты Тереховой в том, что она нечасто отказывается именно от привычной «голубовой» милоты, внешней достоверности. В ее Тание сохранилась и отчужденность, и независимость и требовательность к людям. Она играет мелочью злого и вполне осознавшего себя. В ее требовательности и независимости — черты ее поколения, как и в ее жанде веры и неуверения мать ком-прониссан.

Сейчас Рита Терехова на пороге новой роли — в фильме «Вегуцан по волнам». — И с волнением присту-паю и этой работе, ведь с самого детства у меня к Грину особое, нежное отноше-ние, — говорит Рита Тере-хова.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Знать Даниила Гранина было нелегко: день писателя предельно упорен. Утром мне сказали, что он на заседании в Союзе писателей, потом поговорили позвонить на «Ленфильм», Недавно он написал оригинальный сценарий «Первый посетитель», и художок уже принимал готовую картину. Вечером все тот же любовный голос сообщил: «Да, он заехал домой на часок, позвоните теперь в Иомарово — в Дом творчества писателей...»

Потра часа езды на электричке от Ленинграда, и узенькая тропинка, окруженная вековыми соснами, привела меня и маленьким коттеджем на берегу Финского залива. В кабинете Гранина на столе разбросаны испанские от руки листы бумаги...

— Даниил Александрович, говорят, вы обатились к носу для соби жанру — научной фантастике. Не могли бы вы объяснить, чем вызван подобный поворот в вашем творчестве?

— Да, я действительно работаю сейчас в жанре научной фантастики. Он кажется мне очень емким и значительным для современной литературы, ибо позволяет говорить об очень сложных явлениях современной жизни, о самых неожиданных открытиях науки на гораздо менее ограниченной площадке, чем, скажем, реалистическое повествование... Это, может быть, и ново для меня, но особой литературной новизны я не вижу, потому что сам жанр уже основательно освоен...

— Не могли бы вы определить проблематику ваших будущих рассказов?

— Я не ставлю никаких научных или научных проблем. В данном случае они меня не волнуют... Когда писатель только приступает к новой работе, ему всегда кажется, что он будет говорить о том, как будто до него никто еще об этом не сказал. Мне тоже кажется, что в этом новом для себя жанре удастся сказать свое слово. Я говорю не о стилистике, а о структуре своих рассказов. Я надеюсь решить задачи чистого художественного. Одна из них вот такая. Мне очень хочется сделать научную фантастику не только проблемной, габаритальной, но и художественной, и в своих рассказах я стремлюсь ис-

В ГОСТЯХ У ДАНИИЛА ГРАНИНА

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

«СБОРНАЯ МОСКВЫ»

Иногда их в шутку называют сборной Москвы: на свои репетиции они съезжаются из самых разных городов. Доминик Виланель и Дехо Дюрка — из Института славы, Леон Фрима — из Московского энергетического института, Юра Шебета и Борис Шустр — из МГУ на Ленинских горах. Все они приехали из Чехословакии, учиться в вузах столицы, а свободное время посвящают работе в ансамбле. Ансамбль называется «Архима» (неб Архимаеа с латинских пор считают покровителем студентов технических вузов). Эмблема ансамбля — гитара, капающая на волнах. Это одновременно и талисман студентов. Но надо сказать, что везде, где ансамбль выступил в течение десяти лет своего существования, он всегда пользовался успехом.

Программа ансамбля менялась. Сначала это были народные песни и танцы, потом и веселая эстрада. Многие песни, которые ребята поют под гитару, родились в ансамбле.

Песни и танцы чехословацких студентов знают не только москвичи. В diez летних каникула ансамбль совершает поездки по городам Советского Союза. Они были в Гruzии, Средней Азии, Сибири... Это лето у студентов тоже прошло в разъездах по стране с концертами.

Владимир БАЛЕК

«Полет» Александра Македонского

С давних времен человек мечтал о повторении нисоса, о завоевании безграничного окружающего его пространства, названного впоследствии «плутым космосом». Эта мечта, такая привлекательная, но назвавшаяся совершенно несбыточной, нашла свое отражение и мифе об Икаре, в народных сказках о норе-самолете, в различных легендах и фантастических сказаниях о полетах на Луны и другие миры. Интересно, что одна из таких средневековых легенд была особенно популярна на Руси в XII—XIII веках и, несмотря на ее светский характер, изображалась на стенах самых почтенных храмов Владимиро-суздальского княжества.

Среди памятников древнерусской архитектуры, которым так богат город Владимир, особое место занимает Дмитриевский собор, одно из наиболее совершенных творений владимиро-суздальских зодчих. Построенный еще в 1194—1197 годах князем Всеволодом III Большое Гнездо, он и в наши дни, спустя 770 лет, поражает своей красотой и величием. Созданный как дворцовый храм владимирского князя Великого Всеволода, Дмитриевский собор призван был олицетворять могущество и богатство Владимиро-суздальского княжества.

На стенах собора реалистические сюжеты мирно уживаются с изображением мифических существ, животных и птиц. На северном фасаде помещен скульптурный портрет самого Великого Всеволода, держащего на колене новорожденного сына Дмитрия. По сторонам стоят поклонившиеся отцу остальные сыновья его «большого гнезда».

А на южном фасаде изображена сцена из широко распространенной в средние века повести «Александр».

В этой повести рассказывается о приключениях царя Александра Македонского, в частности о том, как давнишний любознательностью Александр спустился в глубь земли и поднявшись на небо. Последний сюжет воспринимался современниками как символ обожествления царской власти. Еще был Земной владыка, создатель могущественной империи, великий вождь на небе Понятию, что легенда о вознесении Александра Македонского была так популярна во Владимиро-суздальском княжестве и удостоилась изображения на стенах не только Дмитриевского собора, но и Успенского собора во Владимире и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. (К сожалению, от двух последних изображений сохранились только небольшие фрагменты).

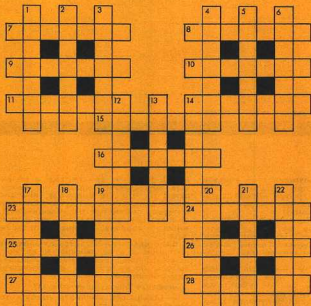
Художник, имея в виду, что не дошло изображение само вознесение Александра Македонского довольно реалистично, во всяком случае, гораздо реалистичнее, чем описывали впоследствии свои «космические путешествия на Луну» Спарно де Бергварин и барон Мюнхгаузен.

Рельефы Дмитриевского собора — одна из первых работ в древнем изобразительном искусстве, рассказывающих о попытке осуществления мечты человека полететь в космос. Александр сидит в корзинке, привязанной к двум грифам — крылатым существам, и летит над землей, над водой, в руках он держит в виде приманки калитку-зверюшку (вероятно, львяти). Грифы, выходящие из орманы и влекут корзину с царем вверх, но в нее, как и в голубой Александр летают птицы, с удивленным видом глядя на рассказываемого соотечественника легендарного Икара.

Д. АРКАДЬЕВ

ЧУДНОЙ НАРОД ЭТИ АРХЕОЛОГИ, НАЙДУТ КАКУЮ-НИБУДЬ КОСТОЧКУ. А ШУМУ-ТО!

КРОССВОРД

Составил Г. ЗАВРАГИН
г. Запорожье

По горизонтали:

7. Советский писатель, В. Герой национальной орденом заслуженного деятеля в Кенго. 9. Сорт тыквы. 10. Птица, обитающая в Антарктиде. 11. Город в Новосибирской области. 14. Певец, один из первых народных артистов республики. 15. Русский ирландец, революционный демократ. 16. Город в Ростовской области. 19. Декоративное луговое растение, цветет. 23. Остров на Дальнем Востоке. 24. Морское рыболовное судно. 25. Колеблющееся равновесие вращения вала двигателя. 26. Перелетная птица. 27. Высший детский гослес. 28. Композитор, автор «Гимна демократической молодежи мира».

По вертикали:

1. Столица автономной советской республики. 2. Юный партизан, Герой Советского Союза. 3. Маборная машина. 4. Русский лудовинг-перелетчик. 5. Промышленный город в Азербайджане. 6. Юное плодородное дерево. 12. Советский биолог, разработавший метод выведения новых форм растений. 13. Цифровые данные, расположенные в определенной порядке. 14. Часть круга. 17. Зеленый минерал. 18. Стиль в архитектуре XVI—XVIII вв. 19. Отрасль медицинских знаний. 20. Самоходная сельскохозяйственная машина. 21. Грива, растущая в лиственных лесах. 22. Отрезок стебля для прививки или посадки.

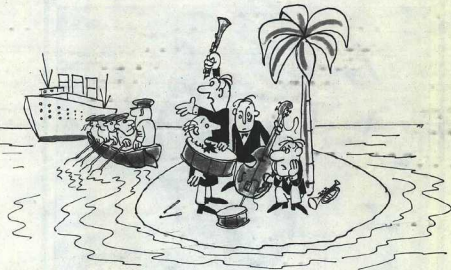
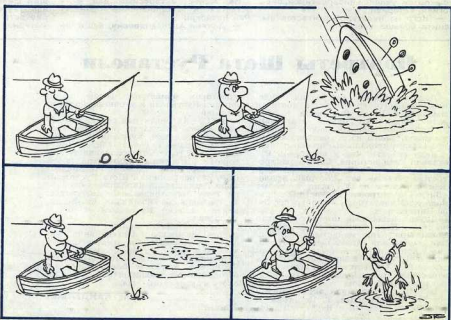
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В. № 16

По горизонтали:

5. Киргизия. 6. «Каштанка». 9. Сталь. 10. Воробий. 11. Шахты. 14. Треугольник. 17. Ветзамок. 18. Миссисипи. 19. Бердун. 20. Трикол. 23. Редутелло. 24. Гельсизков. 26. «Воскресенье». 31. Флокс. 32. Антонио. 33. Радина. 34. Стержень. 35. Мельница.

По вертикали:

1. Прохла. 2. Виноград. 3. Нацпильник. 4. «Ангар». 5. Ноголов. 7. Ауктолола. 8. Ромэн. 12. Правильников. 13. Диссервация. 15. Стрелец. 16. История. 21. Перелетец. 22. Тосканин. 23. Череповец. 24. Голубика. 27. Шегол. 29. Сивер. 30. Кошачи.

НЕЧЕГО БЫЛО НАНИМАТЬСЯ НА ТЕПЛОХОДИ!

НАШ АДРЕС:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок — Д 3-30-67; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерков и публицистики — Д 1-03-51; международный жюри — Д 3-31-50; физкультура и спорт — Д 3-31-50; юные — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотоцентр и репродукция — Д 3-30-57; информация — Д 3-31-03; оформление — Д 0-23-39.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганчич, А. Д. Голубев (зам. главного редактора), Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов (отв. секретарь), К. Н. Замощин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Сидоров, А. Б. Стуков (главный художник).

Художник-оформитель О. Теслер.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 10347. Подписано к печати 17/VI 1966 г.
Формат бум. 70 x 108%. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,8
Тираж 1 000 000. Изд. № 1565. Заказ № 2138

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды» 24.

Рукописи не возвращаются.

ОЖИДАНИЕ

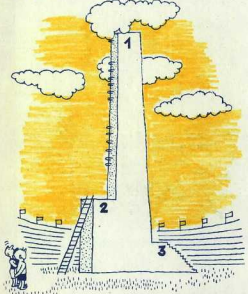
Музыка Валерия СЕРЕЖНИКОВА
Слова Николая ДЮРИЗО

Рисунок А. НЕКРАСОВА

Рисунок В. БЛАНКМАНА

На первой странице обложки: Миллионы патриотов сражаются за свободу Родины и джунглях Южного Вьетнама. Вместе с братьями и отцами взяли в руки оружие бесстрашные партизаны. Среди них легендарная Мыо Ли, веселая, неизменно радостная девушка, отважный боец, национальная героиня Вьетнама.

Поровну делим мы даже веснушки,
Делим заботы рабочего дня,
Так почему же, скажите, подружки,
Вы по субботам счастливей меня!

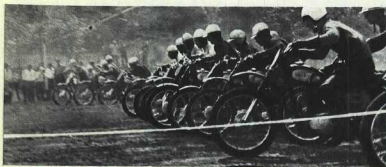
Ждешь этот вечер, не спишь в ожиданье,
Ждешь всю неделю, тревоги полна,
Да и общенитья ушли на свиданье,
Только опять я в субботу одна.

Нет, вы, девочки, меня не забыли:
Звали на танцы, тивули в кино.
Но не раздался единственный в мире
Стук долгожданной под вечер в окно.

В будни нам весело, девочки, вместе,
В будни рабочая жизнь горяча,
Только в субботу печально новости,
Если в субботу невеста ничья.

Valse moderato

По - ров - ну дешик мы даже вес - нуш - ки,
де - лим за - бо - ты ра - бо - че - го
дня, так по - че -
му же, ска - жите под - ру - ж - ки, вы по суб -
бо - там счаст - ли - вой ме - ня!
(Во второй куплете - проигрывай без пения)
Так по - че - му же, ска - жите под -
руж - ки, вы по суб - бо - там счаст -
ли - вой ме - ня!
Чья ли по -

ДЖИГИТЫ XX ВЕКА

Виктор Арбеков рос в Подольске. По соседству с ним жил гоночник Юрий Комаров. Любой мальчишка считал за честь подать спортсмену ключ, помыть машину. Но больше всех повзлюбил Виктору. Однажды Комаров послал его на мотоцикл и пустил с горки, не заводя двигателя. С тех пор Виктора уже нельзя было оторвать от машины. Он пропал в автомотклубе, помогал спортсменам, иногда получал разрешение сделать несколько кругов по двору.

Через четырнадцать лет Виктор Арбеков (на снимке он под номером «3») первым из советских мотоциклистов был увенчан лавровым венком чемпиона мира.

Могло случиться, что не было бы у Виктора соседа-спортсмена. Но мотоциклистом он все равно стал бы, в этом можно не сомневаться. Этот скромный парень с застенчивой улыбкой, внешне немного вкрапленный, чудесным образом преобразился на трассе. Его сразу отличили среди других гоночников. Страстные замедления на поворотах, аллюры на подъемах — все эти обязательные элементы кросса чемпионы выполняют эти «чужачку», за которыми стоит мешок тренировок, и приносят ему победу.

Гусицы москвичей были захвачены острой и увлекательной дуэлью между признанным фаворитом мировых первенств Исмаилом Робером и Виктором Арбековым.

У Арбекова характер бойца, и это, пожалуй, во многом определило и его любовь к краске и его успех в этом труднейшем виде мотоциклетного спорта, который в самом прямом смысле представляет собой непрерывное, безостановочное преодоление препятствий. Кроссмен не только должен быстро ездить, он должен еще быстрее мыслить. А что касается скорости, то здесь лучше всего проигрывать большого знатока мотоспорта Барбала Румичку, редактора чехословацкого «Мотор-ревью»: «У Робера избыток темперамента, с которым ему нелегко совладать. Но его манера держаться перед зрителями, на ступе ездя во многом своеобразнее, полнее спортсмена-профессионала в капиталистическом мире. Ему нужна личная слава, чтобы получить как можно больше денег за свои старты. Он часто совершает эффективные, сильные прыжки для развлечения зрителей. Арбеков — полная противоположность Роберу. Это скромный парень, который в любой ситуации сохраняет непоколебимое спокойствие. Его езда предельно рациональна, он не рискует помаршрусу, чтобы не повредить мотоцикл, прыгает только тогда, когда необходимо. Причем прыгает самым эффективным

способом — низко и далеко. Арбеков едет чисто, лишней раз не приводе мотоцикл в схождение. Вот то оружие, которым он на пяти трассах победил Робера».

Мотоцикл иногда именуется стальным конем, а моторос — джигитовой на мотоцикле. Что же, наверное, в этом несколько цветастом сравнении есть какой-то смысл — мотоциклист, так же, как и конник, имеет радость и возможность неуловимым и точным движением уловить себя и дать ей простор, починить себе бешеный ритм. И не мудрено, что в наш век моторов всеполюснее танкет и мотоциклетному спорту. А с победами Виктора Арбекова популярность его, смело можно сказать, удвоилась. Сейчас рядом с ним, с другими великими — заслуженными мастерами спорта Игорем Грогоровым, Эмгурлом Кальчином, Александром Яковлевым — смело стартуют вышедшие юными украинцы Владимир Гребеняк, Леонид Шиндранко, югослав Александр Кралнин, тибанец Александр Кадашанин.

Но подождем пока проорочит нас мировой нефтяной почва: в спорте право быть первым завоевывают в борьбе.

М. БОРИСОВ

